

Саха Кругосветов

ОВРЕМЕННИКИ
И ЛАССИКИ

Цветные рассказы

Том 1

Саша Кругосветов
Цветные рассказы. Том 1
Серия «Современники и классики»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23586333
Цветные рассказы. Том 1: Москва; 2017
ISBN 978-5-906916-35-8

Аннотация

Подражая Сэлинджеру. Перечитывая Борхеса. Вспоминая Кортасара. Гуляя по тропинкам, протоптанным Бирсом. Споря с Кастанедой. Размышляя над книгой Модиано. Не слишком ли много берет на себя автор? Подражать, перечитывать, вспоминать, идти по следам... Еще и спорить. Короче говоря, учиться. А что тут, собственно, плохого? Тем более – учиться у мэтров, это никогда и никому не зазорно.

Содержание

Предисловие	8
Предисловие	11
Синие рассказы	14
Очнись, Руслан!	15
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Саша Кругосветов

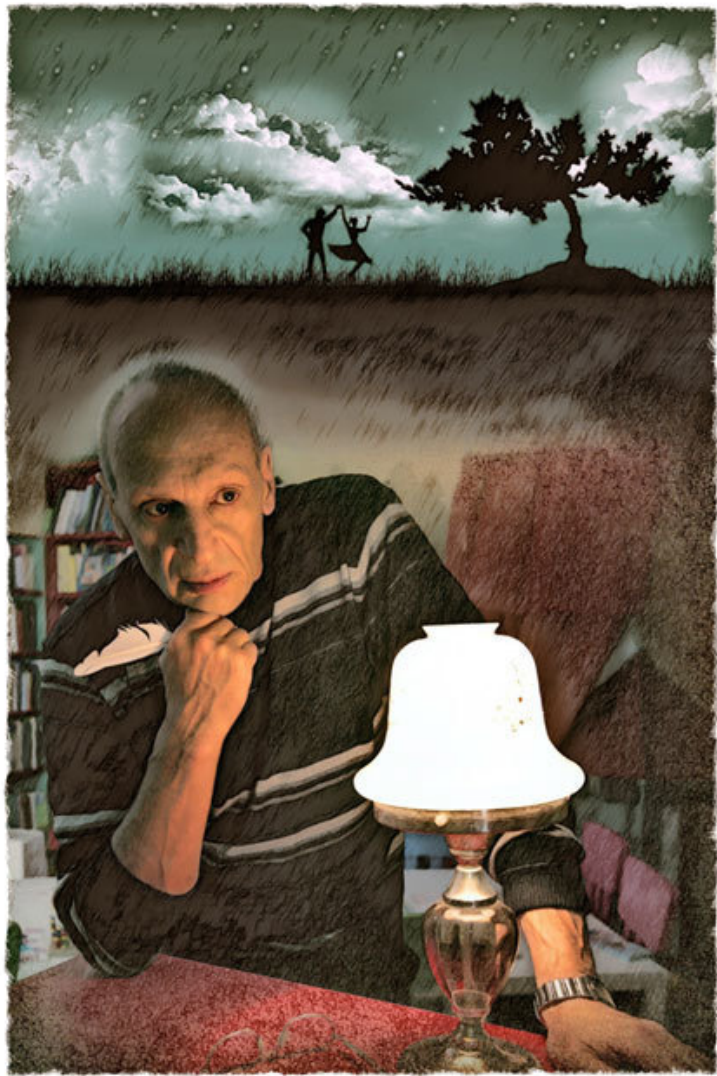
Цветные рассказы. Том 1

© Саша Кругосветов, 2017

© Максим Свириденков, 2017

© Интернациональный Союз писателей, 2017

* * *

Саша Кругосветов, член Интернационального Союза писателей (ИСП), куратор петербургского отделения ИСП, член Международной ассоциации АРИА (Лондон). Имеет следующие награды: медали им. А.С.Грибоедова, имени Адама Мицкевича, Императорская Медаль «Юбилей Всенародного подвига» 1613-2013. Гран-при Крымского фестиваля фантастики «Созвездие Аю-Даг», 2013. Лонг-листер премии «Золотой Дельвиг – 2014» Литературной газеты. Победитель Всероссийского конкурса «Бумажный ранет», 2014. Премия «Фаворит НИФа» Крымского фестиваля фантастики «Созвездие Аю-Даг», 2014. Премия «Алиса» фестиваля фантастики «Роскон – 2014». Премия «Серебряный РосКон – 2015». Лауреат литературной Московской премии 2014 года в номинации «Публицистика имени Владимира Гиляровского». Премия «Изумрудный город» и премия «Созвездие Малой Медведицы», II место, Крымского фестиваля фантастики «Созвездие Аю-Даг», 2015. Лауреат премии «Специальный приз оргкомитета Роскон – 2016». Гран-при-лауреат в номинации «Проза» и I место в номинации «Публицистика» международного фестиваля «Ялос – 2016». Финалист премии Независимой газеты «Нонконформизм – 2016». Международная литературная премия имени Владимира Гиляровского I степени, номинация «Художественная проза», 2016. Лауреат еженедельника «Литературная Россия», 2016, «За неутомимые жанровые эксперименты в ху-

дожественной прозе».

Предисловие

Честно говоря, я слегка завидую и героям, и автору этой книги. Их жизнь всё время заполнена (чуть было не сказал, приключениями), но вовремя одумался и заменил слово «приключения» на более обыденное и спокойное «события». Событие – это со-бытие, когда твоя жизнь внезапно натывается на другую жизнь, а дальше они либо пересекаются, либо сливаются, либо плавно расходятся и движутся параллельно. Всё зависит от судьбы и характера. Характеров в книге много, а судеб и того больше.

Лично мне больше всего понравился момент пересечения трех траекторий. Траектория тучного заслуженного актёра академического театра, только что отыгравшего роль благородного Фортенбраса в Гамлете, прислонившего в лестничном пролёте саблю к стене, чтобы освободиться от всех этих штанов и трусов и погрузиться в рай распахнутых ног актрисы на подоконнике. Почему-то в такие моменты жизни люди всегда спешат, поэтому белые трусики актрисы были сняты не до конца. Будь у неё три ноги, я бы сказал, что юная кобылица оказалась стреноженной, что несомненно препятствовало скачке. Вот тут-то и подросла траектория другой актрисы, спускавшейся вниз по лестнице и оказавшейся невольной свидетельницей не своего счастья. Но счастье, равно как несчастье, никогда не бывает чужим, потому, по-

винуясь какому-то неведомому науке инстинкту, ринулась на помощь двоим и помогла снять трусики полностью. Рас-трено-жила и устремила по-своему, внезапно прерванно-му маршруту.

Юнг сказал бы, что архетип внезапных, никем и ничем незапрограммированных сближений весьма характерен для Кругосветова. Треугольники образуются на каждом шагу, и вот любимая на всю жизнь и любящая жена становится за-очной соперницей отнюдь не любимой, но сексуально заман-чивой другой женщины. А дальше нерешаемая и недоказу-емая теорема. В жене он ищет возлюбленную, а в ней, воз-любленной, хочет видеть невольно обманутую жену. И тогда только в Париж. А в Париже уже даже не роман, а нечто рем-боверленное. Бодлеровская гниющая падаль-клошарка. Две интеллигентные, чистые, милые и умные женщины измучи-ли героя настолько, что он ищет освобождения на самом глу-боком парижском дне. В России такого дна просто нет. Но это помойное погружение в мочу Парижа очистило от все-го наносного. И вынырнул из него добрый молодец, мечтаю-щий об одном – скорей домой, в чистоту, к любимой жене под чистое одеяло.

Вообще-то, имеется в виду Одиссей 21-го века, мечущий-ся по карте, благо теперь не надо никаких разрешений – ез-жай и не возвращайся. Или возвращайся. Тут и там ты по большому счёту никому не нужен. Не нужен даже самому се-

бе. Обилие образов и героев в книге, в конце концов, и создает это ощущение переполненной пустоты. Пустоты внутри и снаружи. И чем больше приключений и персонажей, тем острее чувство всемирного одиночества. Современный мир предлагает человеку всего намного больше, чем он способен вместить.

Несколько раз в книге возникает загадочное для меня слово – бизнес. Бизнес – это, как в дни нашей молодости, какой-то коммунизм. Все его произносят, и никто не понимает, что, собственно говоря, имеется в виду. Говорят, что где-то кто-то как-то разбогател. Но поверить в это нормальному человеку трудно. А герои Кругосветова как раз нормальные люди.

Почему рассказы цветные? Я думаю, чтобы хоть как-то раскрасить довольно-таки бесцветную жизнь. Помните, как в детстве – подберешь осколок бутылки, поднесёшь к глазу, и всё вокруг зеленое или цвета бутылочного стекла. Лишь бы не бесцветное, повседневное.

Константин Кедров

Предисловие

Цветные рассказы. Почему бы им и не быть цветными? – мы же любим цвет, любим цветные картинки. Вот я и написал собственные «цветные рассказы». Так, как учили в Махабхарате.

При этом я далек от мысли пытаться точно следовать букве и духу древнеиндийской поэтики. Это не моя цель. Может, и цель, но не главная. Просто такая игра: выдержать внешнюю канву: «цвет – переживание».

Синий – эротика, любовь.

Белый – юмор, сатира.

Серый – сострадание, печаль, одиночество, может быть, – богооставленность.

Красный – гнев, ярость.

Оранжевый – достоинство, мужество, смелость.

Черный – страх. А до страха, на подходе к страху – уныние, депрессия, неуверенность, тревога, раздражение, безумие, испуг.

Сине-фиолетовый – отвращение.

Желтый – изумление, откровение.

Прозрачный, бесцветный – спокойствие, мудрость, умиротворение.

Игра состоит в том, чтобы написать рассказы, каждый из которых ассоциировался бы с определенным цветом. Чтобы

попытаться передать читателю настроение, соответствующее выбранному цвету. Но это все-таки не главное.

Рассказы о другом. А о чем? О чем вообще эта книга?

Эта книга о том, как человек всю жизнь идет от тьмы к свету.

О том, что мы себя совсем не знаем.

О том, что даже такое светлое чувство, как любовь, может погубить человека.

О том, что всегда за нашим левым плечом идет смерть. И ждет, когда мы ошибемся.

О том, что человек – это точка разрыва непрерывной линии. Точка, в которой плюс бесконечность превращается в минус бесконечность. О том, что мы никогда не узнаем себя до конца.

О том, что невозможно отрешиться от жизни, добиться абсолютной прозрачности мыслей и абсолютного спокойствия.

Книга разбита на 18 разделов, каждый из которых представляет собой законченный самостоятельный рассказ. Восемнадцать рассказов. Под каждый цвет – два рассказа, большой и поменьше. Они дополняют друг друга, позволяют взглянуть на одни и те же проблемы и переживания героев с разных сторон, с разных точек зрения.

Действие происходит в Советском Союзе и в России с 60-х годов прошлого столетия по 10-е годы XXI века.

Персонажи переходят из рассказа в рассказ. Можно выде-

лить две основные группы героев – окружение двух несвязанных между собой семей. Одна группа представляет собой круг родственников и знакомых Феликса Петровича Эйлера. Другая собирается вокруг Боба, Бориса Николаевича Романова.

Феликса мы наблюдаем в разных ситуациях, начиная с его 25-летнего возраста («Дух третьего ущелья») и заканчивая рассказом, где ему уже за семьдесят («Третья встреча»); Боба – с семнадцати («Неделя у тетушки Доры») до сорока с лишним лет («Придет время, и она возьмет нас в свой замок»). Примерно то же происходит с их родными, близкими, друзьями, с их окружением. Мы увидим героев на разных этапах их жизненного пути, в различных ситуациях и обстоятельствах, подчас в неожиданном ракурсе, а иногда – и в новом свете.

Поскольку мы следим за эволюцией героев в течение довольно длительного промежутка времени, книгу «Цветные рассказы», по-видимому, можно определить, как домашнюю сагу, историю семей Эйлеров и Романовых.

Истории разных поколений этих семей читатель словно наблюдает в замочную скважину. И перед ним разворачивается необычная картина привычного мира, складываясь в своеобразную «Цветную сагу».

Саша Кругосветов

Синие рассказы

Очнись, Руслан!

*Твой рот, который улыбается мне из-подо рта,
нарисованного моей рукой*

Я касаюсь твоих губ,
пальцем веду по краешку рта
и нарисую его так,
словно он вышел из-под моей руки, твой рот,
избранный мною, чтобы нарисовать его
на твоём лице моей рукой, рот,
который оказался точно таким, как и твой рот,
что улыбается мне из-подо рта,
нарисованного моей рукой.

Хулио Кортасар. Игра в классики

Панч и Джуди

Оба весь день мотались – каждый по своим делам, он – на «американце», она – на маленькой «японке». Несколько раз договаривались о встрече, потом все менялось. У нее разрядился телефон. Приехали на последнее условленное место встречи, но в разное время. Прокатились по другим местам, о которых говорили раньше. Тот же результат. Тогда, не сто-

вариваясь, направились на широченный Певческий мост, где часто встречались до этого. Там и нашли друг друга. Обнялись, посмеялись. Они и раньше часто терялись, но всегда, в конце концов, находились. Даже, когда оказывались без телефонной связи.

– Мы ведь никогда не говорили, что любим друг друга?

– Нет, не говорили, – повторил женский голос.

– И никаких обещаний не давали?

– Нет, не давали, – улыбнулась она.

Опять обнимались, опять у обоих были счастливые лица.

Обычные мужчина и женщина. Обыкновенные. Таких много. Симпатичные. Им было хорошо друг с другом. И поэтому со стороны они казались очаровательной парой.

Бродили по Петербургу, рассматривали все, что попадалось на глаза, да что рассматривали – просто глазели, не мешая тому, что должно случиться, то сплетаясь в объятиях, то расплетаясь и отталкиваясь в ссоре, и снова сплетаясь, они были в другом измерении – вне того мира, где что-то происходит, что-то такое, о чем вещают с экрана или пишут в газетах, где люди чтут семейные обязанности и традиции, где гонятся за чистоганом, где существует юридические нормы и нормы морали.

– Ты догадался, что Елена немножко ведьма? Знаешь, я попросила ее заговорить от аварий мою новенькую «японку».

– Думаешь, поможет? Раз ты веришь в приметы, давай-ка

лучше поищем красный лоскуток и положим в бардачок, красная тряпочка точно поможет. Мне кажется, этот качок-бригадир немного ухлестывал за твоей подружкой, суетился, даже на руках носил – вот это сила! – Аскольдовна, поди, далеко за сто перевалила.

– Напрасно старался, все равно ничего ему не обломится, она женщин любит. Женщин и деньги.

– Интересно, удалось ей подловить тебя в темном уголке?

– Да нет, мы просто приятельницы; она в людях хорошо разбирается, насквозь видит, совет полезный может дать. Я свои румяна ей подарила. А у тебя что-то было с мужчинами?

– Конечно, а как без этого? – тоже жизненный опыт, сама понимаешь. Я ведь из балета, там этого навалом – Рудольф Нуриев и Роберт Трейси...

Она искоса посмотрела на него – подшучивает, наверное, – потом набросилась, ерошила волосы, он пытался ее удержать, хватал за руки, и они оба хохотали как сумасшедшие. Пожилая супружеская пара смотрела с удивлением на эту сцену, мужчина чуть-чуть улыбнулся, а его чопорная спутница, видимо, почувствовала себя оскорбленной – как безобразно все-таки ведет себя эта молодежь!

Остановились у витрины «Букиниста», рассматривали пестрые корешки. Она спрашивала: кто такой Феофраст, что такое парадигма, метафизика – из какой это оперы? Зачем

тебе это, дорогая? Ничему ее не научишь, бесполезняк. Что у нее в голове? – ветер и шоколад. У каждой заправки остановит – заедем, ты еще не покупал мне сегодня шоколадку. Я должна научить тебя, чтобы ты сам делал мне подарки. Дай шоколадку, дай шоколадку! На, возьми, мне не жалко, но ты ведь уже не ребенок. Что говорить, с головой у нее не ах. Бессмысленно пытаться что-то объяснить. Для нее с объяснения как раз и начинаются загадки.

– Тебе растолковать это невозможно. Это уровень 8, милая, а ты еще на втором.

Любили приезжать на Кондратьевский рынок и рассматривать рыбок. Холодная осень, желтое солнце уже почти не грело, и лишь красноватый оттенок облаков напоминал о том, что совсем недавно было лето, а еще – совсем-совсем недавно – бабье лето. Торговки с сачками для ловли водяных бабочек безошибочно определяли, что эти-то двое точно ничего не купят. Но они все-таки пробирались поближе к прозрачным шарам и кубам и с двух сторон придавливали свои носы к стеклу. Оба попадали в новый мир. Солнце сплавляет воду и воздух, и в крошечном пространстве розовые и черные птицы заводят свой нежный, совсем медленный, замерзающий танец. Холодная вода – как это грустно – холодная вода медленно убивает водяных птиц. Что им остается делать? – они ведь не могут спеть о своих проблемах, вот и танцуют. Их танец о том же, о чем и наши с вами песни и танцы – о любви и об одиночестве. Балет в двух измере-

ниях. Временами эти рыбки внезапно исчезают, превращаясь в еле различимую черную полосу, застывшую – в воде, в воздухе? Движение плавника – и снова нам угрожает усатое, хвостатое, крылатое чудовище, чем-то напоминающее кошку, встающую боком к огромному псу и распушившую шерсть, чтобы казаться больше и напугать злобного противника. Из брюшка выползает ленточка испражнений, вырывающая эту сказочную стылую птицу из мира чистых форм и ставящую ее на один уровень с нами, обычными, совсем не сказочными людьми.

Они обнимались, приближали лица друг к другу все ближе и ближе. В его глазах отражались ее глаза. Она видела, что ее отраженные глаза опять отражают его глаза. Чем ближе, тем длиннее становился ряд бесконечно отражающих друг друга глаз-зеркал, они уносились друг от друга и в то же время – друг в друга, пока с хрустальным замедленным звоном не соприкасались их зубы. И тогда они соединялись, у них все становилось общим, и не оставалось ни одной мысли, кроме ощущения торжества, праздника слияния инь и ян.

Ему нравилось нырять с ней в клокочущий поток любви, потому что для нее ничего на свете не было важнее этого, так ему казалось. Она полностью овладевала им, превращалась в дикую безумную кошку, внушала мистический страх, цеплялась когтями за выскальзывающее неумолимое время, мраморной статуей катилась в темно-синюю пустоту, задыхалась, плакала и стонала. Он ловил этот миг безумного по-

лета и отчаянно держался за него, чтобы этот полет никогда не кончался, а потом снова впадал в прострацию, предавался воспоминаниям, о чем-то думал. «Что же это такое, почему он не здесь, почему он сейчас не со мной?» Как-то ночью онахватила его плечо зубами до крови – «почему он отдалился, как смел отдалиться?» Он вобрал в себя все ее нутро, втянул ее живот, спину, плечи, сжал в объятиях, слился, как никогда не сливался, «познал», как именуют в книге книг, истерзал руками, кожей, губами, зубами, исчерпал до дна, вобрал в себя ее женскую силу, швырнул на постель и слушал, как она всхлипывала и затихала у самого его лица, всхлипывала все тише и тише, луна, дрожащая на поверхности ночных вод, наблюдал, как огонек сигареты – он закурил впервые за последние пятнадцать лет – возвращал ее в этот гостиничный номер, в эту ночь, в обычную жизнь, которую они до этого день за днем проживали, ни о чем всерьез не задумываясь.

А потом он испугался, как бы она не сочла любовную игру вершиной всего, Гималаями жизни, не стала бы приносить себя в жертву, как бы это все не обернулось собачьей преданностью или такой бабской податливостью, в которых растворились бы ее естественность и свобода, он так ценил этот единственный наряд, в котором она казалась ему абсолютно неотразимой. Нет, ничего подобного не случилось, жизнь продолжалась.

Сколько различных пар. И спектакль каждый раз разный.

Архетип один. Они просто куклы – Панч и Джуди¹. В чем смысл спектакля? Кто кукловод, «панчмен», управляющий этими двумя перчаточными куклами? Кто его помощник, «боттлер», дающий подсказки героям, занимающийся разогревом аудитории, привлечением новых зрителей, продажей билетов и сбором денег (с помощью бутылки, естественно, откуда и происходит его название), а также музыкальным и звуковым сопровождением представления? Они-то уж точно знают, в чем смысл представления. Оставим открытым вопрос, кто автор пьесы, а уж конец спектакля эти два прохвоста – что тот пройдоха и выжига, что этот – знают наверняка.

Лиза

Подошла к ограде казино в Монако. Группы элегантных мужчин и женщин собирались перед входом или на площади за оградой – что-то обсуждали, кого-то ждали – прежде чем пройти в шикарные дворцы для респектабельных игорных утех.

Лиза напоминала куртизанку с картины «Олимпия» Эдуарда Мане. Невысокая, светлокожая, с короткой, довольно широкой талией и простым лицом. Правда, не рыжая, как у Мане, – натуральная блондинка с пышной прической. При-

---

¹ Панч и Джуди – традиционный уличный кукольный театр, возникший первоначально в Италии в XVII веке, а затем и в Великобритании. Центральными персонажами театра являются Панч и его жена Джуди.

личные ноги, довольно длинные ноги для невысокой женщины. Эффектный бюст. Смелое лицо. Вроде – обычное. На первый взгляд. Пухлые губы. Губы и рот – пожалуй, великоваты. Можно подумать, чуть ботексные. Нет, нет – губы натуральные. Великоваты, да – великоваты. Говорят, это признак чувственности. Может, и так. Но необязательно... Мне кажется – совсем необязательно. Но лицо привлекает внимание. Хоть и не Викторин Мёран, натурщица Мане, а привлекает... Глаза. Огромные, голубые... Потрясающие глаза. Лиза умеет придать лицу особую выразительность – прическа, как у Барбары Брыльской (в популярном «С легким паром», разумеется), чуть-чуть марафета. И в глаза капнуть какую-то чертовщинку – глаза начинают особенно блестеть. Плюс нежная, стройная шея, ладная фигурка – глаз не отвести. Девчонки в школе говорили: «Конечно, за тобой все мальчишки увиваются, посмотришь коровьими глазами – и все твои». Почему так говорили, «коровьими»? – глупые девчонки.

Лиза, однако, далеко не школьница. В сентябре 34 будет. Сыну Саше – девять лет.

Уже вечер. Оставила Сашу в гостинице в Ницце. Вот тебе монетки, побалуйся на игорном автомате часик – и спать.

Была когда-то замужем. От мужа осталась только фамилия Фарафонова, никудышная фамилия, – у нас в семье все Счастливые, зачем я меняла свою, такую удачную? – да сын Саша, пухлый красавчик с такими же, как у матери, голу-

быми глазами. Не только от матери достались ему эти особенные глаза – от Лизиного отца, Василия Петровича. Отец вообще изящный, невысокий, ладный... И характера мягкого. У отца с матерью Лизы второй брак. У матери Лизы совсем не такие выразительные глаза. Зато характер – будь здоров. Сентябрьского рождения мама – Дева, знак земли. Женщина-Дева ни в грош мужчин не ставит. И Василий Петрович – тише воды, ниже травы – полный подкаблучник. В семье женщины правят всем, правят его жена и дочь Лиза. То же с характером. Та еще штучка.

Знает Лиза привлекательность своих фантастических глаз. До сих пор – нет, нет, да и выудит она рыбку мужского пола из толпы прохожих; увидит кто-нибудь эти особенные глаза, – улыбка, кстати, тоже очень обаятельная – да и прибьется к борту этой ладной, небольшой яхты... Хорошо, хорошо, дружок, не распался попусту, плыви мимо, рыбка – или правильной рыб? Рыбка-то совсем не золотая, плыви дальше – просто проверяет Лиза: работают ли еще снасти, есть ли еще порох в пороховницах?

А здесь самое то. Место, что надо. Надо бы что-нибудь выудить напоследок. Возраст-то какой? – вот-вот поезд уйдет, пора замуж выходить. А кругом все женатики.

Лиза любит французский, на курсы ходит. Неплохо говорит. И Францию любит. Вот бы француза подхватить. Как же надоело жить в этой дешевой блочной живопырке на периферии города.

Кто-то из французи́ков обратил на Лизу внимание. Кто-то даже поговорил. Сделал комплимент. Так просто. Он пришел не один, со спутницей. И тот, что вчера... Тоже не один. Отпуск кончается. Скоро домой, в Питер. А что там ждет?

Лизе Руслан нравится. Очень нравится. Хотя и много старше. Ему уже пятьдесят. Или почти пятьдесят. Высокий, статный. Осанка танцора. Говорит, что танцевал раньше. И с положением.

Ходил к ней на прием. У него случилось кровоизлияние в левый глаз. В центре поля зрения – будто раздавленный апельсин вместо картинки. Такое бывает, если сосуды слабые. Всё замерила ему. Направила в центр посмотреть объем поражения. Там ввели краситель, дали заключение о том, что ситуация поправима. Надо уколы делать в глазное яблоко. Это работа не для медсестры, врач должен делать. Вначале обезболивающие капли, потом укол. Как вы понимаете, Лиза – врач-окулист. На приеме – в белом халате, в белой шапочке, рот – под белой повязкой, глаза спрятаны в глубине, никакой пациент не разглядит особенную красоту этих ее замечательных глаз.

Руслан – веселый, остроумный – временами подшучивал над маленькой врачихой. Он де боится, что она вместе с глазом заберет его сердце. Лиза улыбалась в ответ, ей нравились его шутки.

Однажды пришел на процедуры в конце приема, потом предложил подбросить до метро. В машине углядел и глаза,

и стройные ножки.

Вышли пройтись по Дворцовой. Руслан рассказывал о своем бизнесе, показал подвальчик, который в недавнем прошлом арендовал под всякие компьютерные дела.

Лиза немного волновалась, опускала глаза, говорила тихо, вкрадчиво, деланно бархатистым, грудным голосом. Как бы стеснялась. Уловила, что в какой-то момент собеседник ее чуть затрепетал, ему, видно, передалось ее волнение. Кто-то позвонил Руслану – может, супруга? – он отвечал подчеркнуто весело, отвечал бодро, слишком даже бодро: «Да вот, задержался у врача, еду-еду, скоро буду».

В следующий раз Руслан предложил заскочить к нему домой, показать свою живопись, ну не свою, а что купил для дома, он живописью увлекается, так он объяснил. Солидный, серьезный человек – хоть и шутник, а все равно серьезный – почему не зайти? Никого из его домашних не было, на даче что ли? Это фотореализм, Армстронг с трубой, а это – стилизация под этрусков. Лиза не очень во всем этом разбиралась... Картины – скорее ширпотреб, не классика, и стоили, видимо, недорого... Но уважение вызывает. Особенно квартира – потолки, наверное, три двадцать, а то и три тридцать. Еще и живопись коллекционирует. На иномарке разъезжает.

Руслан почувствовал легкий трепет гостыи и даже некоторое ее смущение. Во время осмотра очередной картины наклонился и поцеловал Лизу в губы. Что делать? – слаб человек. Губы – тоже слабое место Лизы. Не выдерживает она по-

целуя в губы – сознание уплывает, ноги слабеют. Руслан, Руслан... Как сладко целует мерзавец, умереть, не встать. Нет, она вовсе не собиралась позволять ему зайти слишком далеко. Но как он целует в шею... Как давно ее никто не целовал в шею. Вот уже и комбинезончик расстегнут. Слава богу, что у нее хорошая грудь, не стыдно показать... До всего уже добрался, полкомбинезона снял, лифчик расстегнул... Лиза не из стеснительных. Ах, как же приятно он ласкает и целует грудь.

Нет, нет, это уже слишком – через молнию комбинезона и прямо туда. Невозможно отказаться, нет, нет, я же не такая... Как это все неожиданно... Ну и черт с ним, с комбинезоном, мешает только... Но отдаваться с первого раза, что он обо мне подумает... Ах, как мне нравится этот Русланчик, и целует правильно. Ну ладно, пальчиком пусть, пальцем не считается... Как он так достал? Достал до всего... Руслан, Руслан... Как сладко, боже мой, ой, как мне хорошо... Какой он тактичный все-таки, он и не старается вовсе, не пытается пойти дальше, штаны свои не расстегивает... А всё получается, получается, получается... Мамочка, как хорошо.

Всё... Бедный мужик, мне уже хорошо, а ему что, не нужно? Надо ему помочь.

Лиза расстегивает молнию на брюках Руслана... Ты уже в порядке, я помогу, что же я, дурра бесчувственная? Чистенький какой, сейчас поцелую...

Договорились встретиться на следующий день в кафе. Ли-

за выглядела неважно – глаза зареванные, лицо опухшее – всю ночь рыдала. Почему так несправедливо получается? Как симпатичный человек... Образованный, интересный, не то, что ее прежний муж – грубиян, наглец, цыганская кровь. Или браток какой-нибудь. У братков, правда, тоже достоинства есть: пацан сказал – пацан сделал, браток не подведет. А этот – приличный, порядочный... Похоже, что обеспеченный. Ей очень хорошо с ним. Но тоже женатик. Она, Лиза, замуж хочет. А тут еще... С первого раза влюбилась. Вот и ревела всю ночь.

А потом они стали встречаться. Где встречаться-то? У Лизы дома отец с матерью и ребенок. У Руслана – жена и дочь. А еще тещь с тещей... На машине заедут в садик... Ворованные утехи. Украденные радости.

* * *

Вспомнила, как уезжала во Францию. Накануне зашла в дом тридцатых годов на Скороходова. В его трешку. Разгар лета. Руслан давно отправил своих на дачу. По субботам-воскресеньям навещает их на своем стареньком «Черокки». Старенький-то старенький, а джип все равно покашто хоть куда. Вроде, можно порезвиться на свободе. Ночь любви, однако, почему-то не получилась. Вообще-то, все шло, как обычно, – спали мало, все, что надо, происходило. Руслан будил ее несколько раз за ночь... чтобы исполнить, так

сказать, «долг любви». Но сам казался каким-то задумчивым.

Чего-то не хватало. Не доставало свободы, радости, отчаянного полета тоже не было. И провожал ее... Будто долг отдавал. По принуждению, что ли. Сделал все чин чинарем... и с плеч долой.

И у нее заботы. Завтра улетать. Вещами еще не занималась. Ребенка надо бы собрать. Ну, это дело такое... мама все сделает. Ее тоже что-то, видно, мучило...

С Русланом хорошо... Но не уйдет он из семьи. А ей – ну никак не прожить на зарплату окулиста... Вторая семья? Содержать ее и ребенка. Купить ей отдельную квартиру... Лиза подталкивает Руслана к этому, он, вроде, и не против. Да когда это будет? Денег-то у него не ах. Есть, конечно. Но не олигарх. И не воротила бизнеса. Не жадный, конечно... Да, подкидывает... По мелочевке больше. Но очень нравится. Красавчик... И в постели хорош. Высокий, статный. Девчонки как-то видели их в кафе, сказали, что пара... «Смотритесь, как пара».

Здесь, на южном берегу, пошла плавать в шторм. По глупости, конечно. Переоценила свои возможности. А сердечко-то у нее не очень, аритмия или что-то в этом роде. Волна уносит, на берег никак не выйти. Стала задыхаться, потеряла сознание... Ребенок кричит... Вытащили ее. Все обошлось – тут же на пляже пришла в себя. Да, дела... Могла и утонуть. Вспоминала Руслана. Будь он рядом... Ничего та-

кого не случилось бы. Руслан – хоть и балетный мальчик, а мужчина хоть куда. И плавает отменно...

На третий месяц их романа – первая размолвка. По ее инициативе. Что он её за шлюху принимает, что ли? То в черном дворе свой джип поставит и ну, раздербанивать... То на живописном пригорке... На пустынном берегу залива. Пожалуйста, вот тебе любовь, и окрестности обозреть можно в придачу. «Особая эстетика отношений», – он так говорит. Ерунда какая-то... Но отказать ему никак не возможно. Руки у него ласковые и умелые, ничего не скажешь. Или ночью в лесу, на берегу Ведьминого озера. Хоть и темно, а кругом туристы шастают... Конечно, я зря согласилась. Да и неудобно в машине, ни тебе раздеться, ни прилечь. В общем, не получилось от души. Получилось, как получилось... Просто выпили немного вина с арбузом, вместе купались в теплом темно-синем озере с крутыми лесными берегами. Раздетыми... Я легла ему грудью на спину, а он катал меня в темноте. А потом все само собой. Но вообще-то, непонятно. Что он думает, я проститутка какая-нибудь? Что со мной можно везде и всегда... Правда, Руслан, он такой, изобретательный, в общем. Вот мы и расстались. Я сказала: «Навсегда».

А потом тот хачик из поликлиники. Сослуживцы организовали вечеринку на работе по случаю 8 Марта. Конечно, он доцент, но каков наглец... Клинья стал подбивать. Ну, поддержал немного за коленку. Это еще не повод. Звоню Русланчику – выручай, готов стрелку забить? А он мне – почему

и нет? Давай поговорю с доцентом твоим. Да не мой он... Доцент липовый сам отстал. Я ему сказала – неча бегать в мой кабинет, жирным задом кресла отирать, он и отстал. Но Русланчик-то мой – каков орел! Снова стали встречаться.

Три дня назад ездила на экскурсию. Экскурсоводу Лиза понравилась – неплохо говорит по-французски, интерес проявляет... К предмету экскурсии, конечно. И он проявил интерес – к глазастенькой русской.

Пьер Жан. Ровесник Руслана. Или около того. Тоже женатик. Но ручку так подавал на лестнице... В глаза заглядывал. И в кафе пригласил... Вместе перекусили. Обменялись адресами и телефонами. Он в Париже живет. Две машины. Ситроен и Мерседес. Приглашал в Париж. К себе домой. Интересно, как я приеду в Париж, с его женой буду жить, что ли? Сорвал на прощание поцелуй... Довольно страстный. С Русланом его не сравнить. Пьер Жан нескладный, волосатый, широкозадый. Глазки маленькие, так и сверлят полуоткрытый бюст. Нос – серпиком. Лысенький... – да что лысенький. Что-то вставлено на месте лысины. Какие-то волосы – искусственные, что ли? Редкие и с черными точками там, где «волосы» эти прикрепляются. Держится, однако, галантно.

Все. Последние несколько дней, и домой. Пожалуй, рада буду увидеться с Русланом. Надо ему подарки привезти. Безделушки, конечно, но, чтобы симпатичные... А может, и что полезное подвернется.

Руслан

Возвращался из Москвы дневным поездом в сидячем вагоне. В Москве встречался с немцами, чтобы наладить поставку плат. У Руслана отверточная сборка. Компьютеры собирает и продает. Дешево и сердито. В Питере целое здание запустил под производство. Скручивают... Тестируют и продают. Нельзя сказать, что супер... Но прибыль есть. В общем, танцор стал буржуа, буржуа средней руки. На жизнь хватает. И на хлеб с маслом тоже.

В Питере его ждет Лиза. Она только что вернулась из Франции. Говорит, что приготовила сюрприз. Ох, она большая выдумщица.

Странное дело. Не особо умная. Простая девчонка без за-тей, хоть и с высшим образованием. Замуж хочет. И не скрывает этого.

Каждый раз, когда Руслан раздевает ее, отмечает про себя – талия, пожалуй, широковата... Не то, что у его Ната-льи, жене хоть и пятьдесят с небольшим, а фигура, как у молоденькой. Живот у Лизы – подтянутый, конечно, но весь в мелкую морщинку, видимо, после родов. Грудь ничего, но у сосков тоже морщинки... Соски – так себе, не ягодки спелые...

Почему его так тянет к ней? – химия какая-то. Голос медовый... К тому же – горячая штучка. Едут в машине, тол-

кучка. Кругом – автомобили почти вплотную. Окна «Черочки» – большие, все видно, что в салоне. Руслан за рулем. Лиза расстегивает ему молнию на брюках и рукой туда... Смеется, заливается. Соседние машины притормаживают... Особенно кавказцам интересно. Глазеют, пальцем показывают, выкрикивают что-то духоподъемное. А ей хоть бы что. Выдумщица.

А как-то пришел к ней домой. Смажься, говорит, вазелином, сегодня в попку будем... Мне-то это зачем, дорогая? А если мне нравится? Сделай для меня. Так ведь не получится. Мормоны для этого специальными мешочками расширяют отверстие постепенно, за несколько дней. А ты сделай так, без мешочков. И сразу... Вот увидишь, получится. Я в тебя верю, Русланчик. Что, интересно, она на этот раз придумала?

В середине вагона справа и слева от прохода два столика, на четыре человека каждый. Руслану хорошо видна компания за соседним столиком слева – три девушки и один парень. Видимо, сослуживцы. Оживленно беседуют. Едят, пьют кофе, соки, смеются, что-то рассказывают. Из беседы понятно, что они, видимо, занимаются маркетингом различных линий косметики или чего-то в этом духе.

Руслан считает себя знатоком женщин. Не то, что профессиональным соблазнителем... Хотя смолodu у него не было проблем с прекрасным полом. Да и сейчас, наверное, нет. Когда в двадцать с небольшим танцевал в Ленинградском мюзик-холле... Потом, когда переехал в Израиль, – пригла-

силы «носить» приму в частном балетном театре – многие балетные девочки не прочь были перепихнуться с видным, веселым и смазливym танцором из России, да и прима... Что она из другого теста сделана, что ли? В балете вообще нравы не пуританские... Нет, он не считал себя «охотником», истовым искателем любовных приключений, донжуаном. Но при этом... В общем, опыта хватало. Правда, теперь он почти степенный, почти консервативный, абсолютно семейный человек. Пятнадцать лет назад, когда частный театр обанкротился, закрылся... Пришлось вернуться в Россию. В балет никто уже его не брал – переросток, да и не звезда. Хорошо, что руки на месте, начинал компьютерным мастером, постепенно поднял свое дело. Получилось так, что красавица Наташа, танцовщица из мюзик-холла, старше его на два года... Как она была влюблена в Руслана, когда он уезжал в Израиль! Но Руслан уехал с молодой хохотушкой и вертихвосткой Светкой-конфеткой, женился и уехал. А та бросила его через полгода. Что за черт... Вечно его тянет на какую-то ерунду. То эта Светка, зачем ему нужны эти Светки? Сейчас Лиза... Тоже вопрос – для чего? Он теток и получше видал...

У Наташи к тому времени, когда Руслан вернулся в Россию, – устойчивое положение: танцмейстер в мюзик-холле, квартира в центре Ленинграда, свободная женщина, замуж так и не вышла. Получилось так, что Наташа дождалась своего суженого. Поженились, сейчас дочка растет. Руслан, ко-

нечно, не всегда был примерным мужем... Но и не бросался на каждую встречную. Не то, что моралист какой... Брежневовал скорее. Но, как говорят спортсмены, «мастерство не пропьешь». Глаз у него на прекрасный пол с юных лет заточен. Руслан и сейчас уверен, что видит женщин насквозь.

* * *

Две девушки привлекли его внимание. Он делает мысленный эксперимент.

Вот та, симпатичная, с короткой стрижкой, сколько ей – 23, 24? Лицо чуть монголоидное, улыбчивое, глаза раскосые. Знает об особой диковатой красоте своих глаз. При улыбке привычно намечает стандартные «в угол, на нос, на предмет», верхняя губа немного открывает десну над симпатичным рядом беленьких зубов. Часто улыбается, кокетничает сама с собой, с кем же еще – не с парнем же напротив? – во-первых, тот – сослуживец, во-вторых, судя по всему, он ей совсем неинтересен. Стройная, складная, грудь совсем маленькая – комплексует, наверное. Симпатичная девушка. Опыт, видно, небольшой. За ней вполне можно поухаживать. Теоретически. Материал благодатный. Может и увлечься. Затаив дыхание, согласится на интим. Будет отдаваться стыдливо... И от чистого сердца. Будет искренней, будет благодарна за близость. Способна на нежные чувства. Ее можно попробовать разбудить. Благодатный материал.

А вот эта, рядом с ней – совсем другая фактура. Одеты получше. Ухоженные длинные волосы. Довольно развитые формы. Ленивая уверенность в себе. Томность. Даже немного надменность. Набирала опыт на примитивном мужском материале. В себе уверена. Но ничего путного, настоящего, не видела. Ее, конечно, не удалось бы сразу уговорить. Любит лидировать, иметь дело с подкаблучниками. Тихая кошечка, скрытый диктатор. К ней надо подбираться осторожно. Лстить, может быть, раскошелиться на подарки... Поразить... Каким-нибудь деловым блеском. Если и согласится, то не сразу. И нехотя. Начинать с ней, не торопясь. Тихо распалить, аккуратно подводить... но не подпускать. Сбивать ритм, оттягивать момент, менять позы... Довести до иступления, и тогда поставить ее... На что она сразу никогда не согласилась бы... Унижать, бить ладонью по заднице, держать за волосы, кричать: «Давай, кобылка!» И когда это случится, она будет на все готова, отставит свою спесь, будет бегать за тобой, заглядывать в глаза... Так вот, милашка... Насквозь вижу тебя, кто ты, какая ты.

После поезда сел в метро, ехал на Петроградку. Напротив – молоденькая белокожая девушка с темной стрижкой. Из-под расстегнутой куртки виден белый воротничок с галстуком и кусочек форменной одежды, милицейской, наверное. Привлекательные, в меру подведенные глаза. Сидит очень ровненько. Колени сжаты, руки на коленях. Смотрит строго перед собой. Сапоги с высоким голенищем. До ко-

лен. Коленки круглые, крепенькие, чувственные. Губы – тоже чувственные. Учится, наверное. Ходит на стрельбы и на занятия по рукопашному бою. Готовит себя к служению Родине. Интересный субъект. Имеет опыт личной жизни. Подходит к этим делам спокойно – почему и не уступить товарищу по работе? Это, как стрельбы... Отстрелял и свободен. Если подбивать к ней клинья – посмотрит, сощуриив глаза: «Это что еще за хмырь такой? Смазливый. Можно попробовать». Без уговоров разденется. Попросит помочь расстегнуть лифчик. Если заводишься – экий ты неумеха, все вы гражданские такие... Да сама я, сама. Давай приступай. Может и разгорячиться. Потом спокойно оденется. Телефона не оставит. Имени не скажет. Твоего имени не спросит. Отстрелялась и все. Дело превыше всего. А жаль – зажигательная деваха. Такие молчаливые... они иногда наиболее интересными бывают.

Что там Лиза приготовила? Чулки на ажурной силиконовой резинке с ножками, открытыми для ласки в верхней части бедра? Заманчивый сюрприз, конечно... Сулит новые аспекты прелюдии к празднику. Но не для этой погоды. Прогрнешь, милая, пока я подъеду...

Через полтора года

Май в Париже. Для нас, северян, почти лето.

Да, сколько воды утекло с тех пор. Есть, о чем задумать-

ся. Почему так получилось? В декабре позапрошлого года, перед самыми Новогодними праздниками, у него произошла сцена с Наташей. Сцена у фонтана². Марина Мнишек требовала от Самозванца стать, наконец, русским царем. В какой-то степени, похоже.

Руслан, конечно, не пуританин. Но жить в сменку с двумя женщинами, в его-то солидном возрасте... Этого он не любил. Может, конечно, случиться. Раз, другой, но постоянно – ни в коем случае! Брезговал. Сам себя не уважал бы, если б пошел на это.

С тех пор, как стал встречаться с Лизой, с Наташей у него ничего не было. Что она думает об этом? Руслан старался мысленно обходить проблему. Сколько еще это могло тянуться? Вечно продолжаться так не могло. Наташа решила взять ситуацию в свои руки, и ему пришлось ретироваться. Нес какую-то околесицу. Типа – что вымотался на работе, что он никакой, что она не устраивает его как женщина. Я? Не устраиваю? С каких это пор? Нес всякую ахинею, но о том, что есть другая, не решился. Наташа – неглупая, поняла, наверное. У нее случился какой-то спазм. Побледнела, стала задыхаться. Руслан испугался, уложил ее в постель, суетился, носил воду, валидол, говорил жалкие слова.

К вечеру жене полегчало. Порозовела, отошла. Отошла. И, не сговариваясь, оба решили ничего не менять. Как соби-

---

² М.П. Мусоргский. Опера «Борис Годунов». «Сцена у фонтана Марины Мнишек и Самозванца».

рались с друзьями в СТД на Новый год, столик забронировали заранее, так и пошли. Ни о чем не вспоминали. Ночь прошла отлично. Много смеялись. Наташа – в длинном черном платье с открытой спиной – чувствовала себя великолепно. Очень интересная, моложавая, – можно сказать, совсем молодая – очаровательная женщина. Руслан с Наташей много танцевали, и весь ресторан на них любовался.

Как и обещал, в середине ночи созвонился с Лизой. Та встречала Новый Год с ребенком на Невском. Принимала свою роль как второстепенную. Надеюсь, наверное, что все изменится. Поздравили друг друга. Пожелали счастья и любви.

Руслан знал, что они встретятся в ближайшие дни и вручат друг другу заранее подготовленные подарки. Было очень жаль Лизу. Но именно тогда он понял, что когда-нибудь все равно надо делать выбор. И он этот выбор сделал. У него жена, дочь. Это гораздо важнее интрижки на стороне. Да и надоело. Забота какая-то. Он ведь помогал Лизе. И деньгами. И фирму помог зарегистрировать, чтобы у нее был свой кабинет и своя частная практика.

Конечно, это обуза. Руслан объяснился с Лизой, сказал, что очень любит ее, но они должны отказаться от отношений. Пусть Лиза не сомневается: все, что обещал, сделает. И занимался, как обещал. Аренду пробил в крутой гостинице. Разговаривал с директором отеля, с безопасником, организовал нужный звонок «сверху». Помог заключить контракт

на поставку оборудования. У Лизы всегда что-то случалось. То автомобиль поздно вечером станет и ни с места. То блатные наедут по каким-то старым делам. Мелочь, конечно, но приходилось решать проблемы, братков разводить... Вещи на дачу закинуть надо – кто женщине поможет? Но никакого баловства, ни-ни. Деловые контакты, ничего больше, да и они, естественно, постепенно сойдут на нет.

Однажды, когда отвозил ее куда-то, Лиза внезапно стала обнимать его и целовать. Так и раньше бывало. Тогда, когда они были еще вместе. Но теперь совсем другая ситуация. Возможно, надеялась еще, что все вернется. Что это недоумение. Может, он квартиру ей купит, как обещал. Хотя всерьез не обещал. Но он ведь такой – человек неожиданных решений. Может и подарить. Руслан чувствовал себя смущенным, он не привык отказывать женщинам. Тем более, что Лиза ему еще нравилась.

– Нет, нет, милая. Мы так не договаривались. Между нами ничего больше не может быть.

Она опустила на колени, обхватила руками его ногу, прижалась щекой: «Не уходи, ну пожалуйста, Русланчик, не уходи!»

Как же ему неприятны все эти сцены. И жену жалко, и Лизу жалко. Какая все-таки он сволочь.

Это произошло в начале лета прошлого года.

Потом они долго не виделись. Созванивались иногда по делам. По бухгалтерии ее нового предприятия, по налоговому учету, по лицензированию. От общих знакомых он узнал, что Лиза тяжело болела. «Не понимаю, я хотела его просто обнять, а он меня оттолкнул, будто я чужой человек». У нее началась истерика, потом сердечный приступ. Говорили, что была не в себе все лето, сильно исхудала, одни глаза остались. Работала мало. Восстанавливалась с трудом. А осенью уехала во Францию – куда, к кому?

У Руслана с Наташей все спокойно и хорошо. Совет да любовь, никаких проблем и недоразумений, будто и не было грозы, которая пронеслась над их домом. Он ведь сам решил расстаться с Лизой. Его собственное решение. Да будь он один, без семьи, все равно бы не женился на ней. Он знал это абсолютно твердо. Мог бы повторять своё «не женился бы» тысячу раз, это от зубов отскакивало, как «отче наш».

Еще полгода назад Руслан думал именно так. Всего полгода с небольшим. И вот сейчас он в Париже, ищет встречи со своей маленькой Лизой, со своей Викторин Мёран из Петербурга. Мечтает о взаимности. Готов все бросить ради нее. Да и бросил фактически. Как это у него все так неожиданно перевернулось?

Лизы не было в России всю осень прошлого года. Она при-

езжала ненадолго и потом снова уехала во Францию. На Новый Год. Во всяком случае – так ее мама сказала. Они иногда созванивались, Лиза держалась приветливо и по-деловому.

В середине января она снова появилась в Петербурге. Руслан внезапно почувствовал, что ужасно соскучился по ней. Скучал все это время. Если и есть в его жизни что-то настоящее, то это именно Лиза. У него помутилось сознание. Позвонил, хотел встретиться.

Она отказалась. Сказала, что незачем. Не то, что он хотел какого-то союза с этой женщиной, чего-то такого, что всерьез и надолго... Руслан не задумывался над этим, он просто хотел ее вернуть. Вспоминал счастливые часы, радости встреч, переживания расставаний, ночные звонки. Понял вдруг, что потерял ее. «Хорошо, хорошо, услышал тебя, но я должен кое-что передать». Долго уговаривал. Через водителя передал на работу пакет. Подарок. Ключи от квартиры в Петербурге, о которой она так долго мечтала. Возьмет – не возьмет? Где-то блефовал. Понимал, что она откажется. Но какой жест!

«У тебя дело ко мне – хорошо, подъезжай к моему дому, спущусь». Встретились, как обычно, в машине. Принесла какие-то Новогодние безделушки – подготовила подарки для него. Произошло объяснение. «Достаточно времени прошло, Руслан. Если бы захотел, мог бы уже принять решение». Вернула пакет с ключами. «Ну, ты и артист. У тебя дар. Тебе надо на сцену возвращаться. Комедия, драма, водевиль – это

твое призвание». Из дальнейшего разговора Руслан понял, что у нее что-то с этим французом Пьером-Жаном. Почувствовал ее настроение. Ему показалось, что там не все еще срослось. Раз она привезла подарки...

Они созванивались, пару раз виделись по каким-то делам. В какой-то момент он понял, что ее французский вопрос, по-видимому, разрешился. Лиза внезапно стала жесткой и непреклонной. Он пришел к ней на прием, показать больной глаз.

– Все, это все. С глазом у тебя все в порядке. Я тебе больше ничего не должна. Хорошо бы, Руслан, если бы мы больше не виделись. Все, я уезжаю во Францию. Насовсем? Не знаю. У меня здесь Саша остается, ему ведь в школе учиться. Пока временно. Жизнь покажет. На сколько – неизвестно, – сказала она. Почти то же, что сказал ей он когда-то. И года не прошло. Он спросил, любит ли еще она его? «Наверное, да, не знаю точно. Не стоит об этом говорить». Сказала и исчезла.

Руслана корежило. Он никого не мог видеть. Выезжал за город. Часами сидел в машине, смотрел на небо. Уехал на неделю в пустой дом приятеля. Голодал. Пил воду. Читал святыя книги. Молился. В Прощеное воскресенье позвонил Лизиной матери. «Простите, Валентина Ивановна, за все». «За что мне прощать вас, Руслан?» «За то, что не сумел сделать счастливой вашу дочь». «Ничего вам не могу сказать о ней. Я не могу влиять на ее чувства. Если хотите быть с ней,

решите дела с вашей женой». «Вы правы, вы правы. Наверное, уже поздно. Она уехала насовсем». «Знаете, Руслан, там тоже еще не все ясно. Ее французский друг (французский друг, черт бы его побрал, попади он мне в руки – пух и перья полетят, нашла с кем меня сравнивать, экскурсоводишка задрипаный!) тоже должен решить вопросы со своей семьей».

Это было сродни помешательству, он был словно пьяный. Пьян, но не настолько, чтобы не понимать: его дом, дом его жизни рассыпался, разлетелся, вдребезги разбился.

Внутри него жило столько разнообразных вещей – понятия, слова, воспоминания, танцевальные па, ощущение необыкновенной женщины, примы, которую он гордо несет на выпрямленной руке под аплодисменты зала, электронные компоненты, чудные книги, которые он проглатывал целиком, складывал как птица в свой зоб, а потом отрывивал и разбирал по словам и слогам, пробовал на вкус порциями, смакуя каждый отдельный кусок.

Семья, дочь, бизнес... Еще совсем недавно все это было так тщательно разложено, все знало свое место. И вот теперь перемешалось. На чердаке, на полу, на антресолях, под кроватью, на потолке плавали и сияли синие осколки вечной Вселенной, звучала бравурная музыка...

Рваные балетные пачки, старые пуанты, крошечные трусики с тампонами, грязные кровавые пятна – все это впере мешку с виниловыми пластинками, спутанными магнитофонными лентами, кусочки Барышниковского танца «Ве-

стрис³», одноглазые Аримаспы⁴ бились с Нефелибатами⁵, слова со словами, сколопендры глубоко под землей бились в своих земляных норах с ужасными, жестокими медведками.

«Символ веры» свивался жгутами с блатной лирикой Розенбаума, сухие юридические нормы – с чьим-то любовным лепетом, образы Андрея Рублева и братьев Дионисиев – с отвратительными рожами братков, музыка Шнитке с «гоц-тоц, Зоя, а ты давала стоя, в чулочках, что тебе-е-е я подар-и-ил».

Огромные яростные лица женщин с алыми ртами. И морды котов с бешеными клыками и колючими зрачками, узкими вертикальными черными зрачками, рассекающими все видимое и невидимое – смотрите, смотрите через нас в другой мир, а попался, дружок, – нет, это он, другой, чужой, враждебный мир смотрит на тебя из четвертых, пятых, шестых измерений через эти зрачки. Вперемешку, вперемешку... Беспорядок царил, правил, повелевал, растекался потоками, размазывался по стенам, потолку, волосы, кругом волосы, грязные невытые патлы, стеклянные глаза заполняют пространство, какие-то документы, факсимиле, всё в ржавых пятнах.

---

³ Мари Жан Огюст Вестрис – французский хореограф и танцовщик.

⁴ Аримаспы – мифический народ на крайнем северо-востоке древнего мира. По Геродоту, это были одноглазые люди (что и означает слово «аримасп» на скифском языке).

⁵ Нефелибаты – шествующие по облакам (греч.), слово, заимствованное у Аристофана.

Тарелки с отбитыми краями и остывшим супом. В супе – сваренная, не полностью ощипанная несчастная крыса с закрытыми глазами, будто спящая, – какие у нее замечательные ресницы! – и длинные спутанные волосы.

На столе – опять трусики, гнилая картошка, грязные бинты, отрезанный палец с обгрызенным ногтем – какой-то знакомый палец, чей это может быть палец?

Все разрасталось, взбухало, булькало, испускало смрад, пуфф-гриб выбрасывал желтоватые споры, все сливалось и превращалось в чудовищную музыку. Это, наверное, великий Прокофьев – он шлет привет будущим поколениям – марш Монтекки и Капулетти: «Эй, вы, ну-ка попробуйте, сможете как я?»

Нет, это какофония, вызов ухоженным квартирам родственников – боже, какая тоска видеть этих правильных, безупречных родственников, умеющих все объяснить и потребовать... Да, потребовать! Ведь есть еще вечные истины, черт побери!

Здесь бродило прошлое, искало пуговицу от рубашки и находило только мышинные горошки.

Настоящее – ему обязательно надо побриться, нельзя же небритым, надо встречаться с людьми, настоящее пыталось бриться крышкой от консервной банки, потому что бритву кто-то закопал в горшок под корни пахистахиса.

Время крутилось, носилось взад и вперед, то и дело пере-

ставляя местами события, которые по очереди становились то причиной, то следствием. А он, Руслан, тяжело дышал, он думал, что живет до безумия остро, дышит полной грудью, созерцая весь этот беспорядок. Потому что беспорядок в его чувствах и мыслях и был подлинным порядком. Именно посреди этого бедлама он чувствовал себя настоящим, чувствовал, что он, наконец, свободен, что он может и должен сделать то, что можно и должно сделать. Уйти через безумие, чтобы обрести рассудок. Принять единственно верное решение.

Тогда-то он и решил, что поедет за Лизой. Станет ее тенью. Забросит все к чертям собачьим. Только бы быть рядом. Ловить ее на улице. Видеть издали. Писать на тротуаре: “I ♥ Liza”. Наклеивать на ее машину стикеры «Обожаю офтальмологию!» или что-то в этом духе.

Передал бизнес Наталье. Взял какие-то деньги. Ничего не объяснял. Жена, теща, тесть – с ними ничего не обсуждалось. Объявил, что уезжает в Париж по делам, на сколько – неизвестно. Теща покрутила пальцем у виска и громко сказала: «Крыша поехала!»

И теперь он здесь. Нашел ее. Хотя это было непросто. Вечером они поужинают вместе. Они уже виделись здесь, в Париже, встретились как друзья, долго гуляли. Она интересовалась его делами. Как дочь? Как бизнес? Достроил ли ты дом в Орехово, где мы с тобой побывали однажды осенью? Нет, нет, Руслан, не надо об этом. У меня другая жизнь. Еще

раз встретиться? Один раз можно, если настаиваешь. Не надо, Руслан. Мы, конечно, друзья. Но видеться больше не будем. И созваниваться тоже. Прощальный ужин? Неправильно это. Но раз ты хочешь... Мы ведь любили друг друга.

Вечером он ждет ее в ресторане «Один антрекот». Сегодня все решится. Знал, что ничего не решится. В том смысле – не решится так, как бы он этого хотел. А пока есть время. Все равно, он ни за что не откажется от этой встречи.

Сен-Дени

Руслан сидел за маленьким круглым столиком с мраморным верхом на литой барочной ножке. С краю кафе, почти на тротуаре. Маленькая чашка кофе здесь 2 евро. Неслабо, но это ведь Сен-Дени. Рядом, вглубь по переулкам – Чрево Парижа⁶, чуть выше – Мулен Руж⁷, злачные места. На Сен-Дени тоже все разрешено. Здесь путаны работают в одиночку. Буднично стоят у дверей своих каморок. Чего им волноваться? Еще не вечер, клиенты для парижских ночных бабочек всегда найдутся.

Подошел знакомый по отелю, турист из России, лет тридцати с небольшим. «Можно с тобой посидеть? Первый раз

---

⁶ Чрево Парижа – старый рынок города, названный так с легкой руки Эмиля Золя.

⁷ Мулен Руж, «Красная мельница» – знаменитое классическое кабаре в Париже, одна из достопримечательностей французской столицы.

в Париже. Представляешь, полЕвропы объехал, а в Париже первый раз. Вчера решил, что нельзя уезжать, не оскоромившись. Зашел в бордель, выбрал девушку. Угостил шампанским. Подсела подруга – ей тоже налили, и поехало. До утех еще не дошло, выкатили счет... я возражаю, говорю, что ее подруг я не угощал, пусть сами и платят. Вышел амбал, потом еще один. В общем, развели на бабки...» «Ну, так хоть получилось что-то?» «Вроде да, считается, что да, а удовольствия ноль. Возвращаюсь без денег и впечатлений. Какие музеи, смеёшься? Никакого настроения. Шопинг? – ноль денег». «Ах ты, бедолага. Когда улетаешь, завтра?» Иди, иди. Кто же тебя толкал в притон? Брал бы девушек на улице. Скромные, симпатичные. Думаю, что и профессией владеют. И никаких вышибал.

Мимо столика Руслана быстрым шагом прошла брюнетка. Смелое лицо. Длинное расстегнутое пальто, туфли на высоких каблуках, очень короткие шорты, узенькая рубашка мужского покроя стягивает небольшую грудь. Поймала взгляд Руслана и в последний момент притормозила. «Привет, красавчик. Теперь моя очередь взять у тебя интервью». Похоже, что видела меня с приятелем, подумал Руслан. «Присаживайся, кофе будешь? Garçon, café serré. О чем будем спрашивать?» Лет сорока, лицо, пожалуй, помятое, но еще интересное. Губы... Большой рот – как у Лизы, мне это нравится.

«Твой французский с акцентом. Ты из Дании, нет? Сканд-

динавия? Русский, – не скажешь, – интересный, европейское лицо. И осанка... Где интервью-то будем брать?» «А здесь нельзя?» «Ну, ты даешь... Здесь, боюсь, не справишься. Где твой отель, далеко? Hôtel Saint-Charles, площадь Италии? Пойдем лучше ко мне, я поближе. Ну, конечно, я хотела бы тебя совратить». «Ничего не получится, дорогая». «Зря сомневаешься, я совсем не по этой части». «Все вы так говорите». «Я же вижу, красавчик, что понравилась тебе», – и она расстегнула еще одну пуговицу рубашки. «Ничего не получится, я здесь не один». «Ну, давай завтра. Что делаешь завтра? Не подумай, что я какая-нибудь уличная. Конечно, подрабатываю иногда. Но только в самых лучших отелях. Мне кажется, ты интеллигентный, образованный. Хочу с тобой встретиться. Наверное, живопись любишь, музыку. Пойдем завтра в d'Orsay⁸, вечером поужинаем вместе, уверена, я тебе понравлюсь. Да не упирайся ты, кто отказывается от сладкого?» «Нет, дорогая, никак не могу, не получится. Я не один». «Ну, как знаешь, красавчик, – сунула визитку, – позвони, развлечемся, оттянемся по полной». Поцеловала в щеку и упорхнула. Девушка из эскорта. Девушка... Вполне уже дама.

Руслан посмотрел на путан, стоящих у дверей своих крошечных каморок, маленьких, замызганных каморок на первом или на втором этаже. Он знал эти комнатки, в молодые

---

⁸ d'Orsay, д'Орсе – музей изобразительных и прикладных искусств в Париже на левом берегу Сены.

годы покупал иногда услуги девчонок, когда бывал в Париже на гастролях.

На противоположной стороне у своей двери курила симпатичная мулатка. Зябко куталась в пальто. Подошел немолодой бородатый мужчина. Довольно brutальный. Хочет, наверное, получить кусочек суррогата любви. Спросил о чем-то. Разговор слышен, но слов издали не понять. Мулатка ответила. «Приятный голос», – подумал Руслан. Мило улыбнулась, бородатый обнял девушку за плечи, и одноразовые любовники поспешно скрылись за дверью ее комнаты.

Что я вообще здесь делаю?

Набережная Берси

Набережная Берси. Шагал, конечно, великий художник, но набережную Берси в его картине никак не узнаешь. Тоска, одиночество, грусть – это можно у него увидеть – и увидеть, и почувствовать.

К ночи стало совсем прохладно. Руслан натянул поглубже кепку а ля Шерлок Холмс и поднял воротник короткой куртки. Отхлебнул глоток шампанского из горла бутылки, закурил, он курил с первого дня своего появления в Париже. Все, конец праздника любви, *la fin de la fête de l'amour*.

Кот бурой масти с огромной головой, порванными ушами и следами боевых сражений на морде считался, наверное, хозяином этого участка набережной в районе моста Берси. Бас-

сети, бигли, бладохунды и прочая собачья аристократия старались сюда не заглядывать, так же, как и всяческий кошачий народ, неожиданные посетители получали достойный отпор. Кошки допускались иногда, чтобы «хозяин» мог снять с них причитающийся оброк, если его внезапно одолевали любовные порывы. Как вы понимаете, «хозяин» знал свои права и умел их отстаивать. Вообще, он понимал толк в жизни и, будь он человеком, по праву мог бы считаться философом.

Всех обитателей тепленького местечка под мостом он знал наперечет, терпел их и точно определял, когда и от кого можно получить кусочек колбасы или сыра.

Новичок явно здесь задержался. «Хозяин» подошел к Руслану, задумчиво сидевшему на скамье с сигаретой в зубах. Кот лениво вильнул хвостом. Он никогда ничего не просил и сейчас тоже не унижался до просьб. Просто дал понять, что не возражает против того, чтобы новичок его чем-нибудь угостил.

– Ну что, мой дорогой? – спросил Руслан. – Ты ведь точно знаешь, что тебе нужно в жизни? Существуетеешь в круге своих желаний. А какой круг желаний у меня? Каков круг желаний, таковы и люди.

С кем я теперь, кто со мной? Раньше был балетный мир. Кто остался? Что это за мир теперь? Кто рулит в Михайловском, рассуждает о балете, определяет репертуар? Клингцман – ананасовый король. Ленька из Комиссаржевки распалялся: ты не понимаешь, что это за человек, он вкладыва-

ет ЛИЧНЫЕ деньги! Вкладывает – это хорошо. Но главное ведь – тщеславие. Ему рулить хочется, определять, быть лидером искусства. Все теперь, у кого денежка водится, учат нас, как писать, петь, танцевать. Даже как в бога верить. Клингцман – тоже правом славнущий. Он сэнсэй, считает себя эдаким гуру от фруктового бизнеса. А кругом его сэмпаи, набитые ананасовыми деньгами. В компьютерных делах тоже – все поголовно больны на деньги. А еще там саентологи путаются под ногами.

Семья – жена, дочка – это настоящее. А сам-то я настоящий? Кручусь как флюгер. Ну, не накрутился еще? Все попутный ветер ловлю. Не пора ли тебе, флюгер, отыскать уже свой правильный путь? На Север. Или на Юг. А я все не могу разобраться, где север, где юг, интересно, что я на самом деле ищу? Надо взять карту, утвержденную Российским географическим обществом, вычислить свой азимут и уже твердо идти туда, куда на самом деле нужно идти. А потом осесть, окопаться там, где тебе по-настоящему хорошо, и не дергаться. Как ты, мудрое животное. С тебя и надо брать пример.

Кот выслушал Руслана, повернул набок голову, но ничего не ответил.

О любимая, мое сердце тоскует по тебе, тобой саднит моя кожа, твое имя разрывает мне горло и обжигает губы. Внутри меня пустота. Я дышу, но разве воздух может заполнить эту пустоту, если в ней нет тебя?

Руслан слушал хрипы спящих бродяг, слушал, как шур-

шат ворохи газет и ветоши, которыми укрывались несчастные обитатели моста Берси. Почему я ищу какого-то круга? Почему бродяги не могут быть моим кругом? Разве эти люди хуже тех, других? Бьются за жизнь, дружат. Они не унимаются. Принимают мир таким, каков он есть. Они полны достоинства. Интересно посмотреть, как бы выглядели в этих условиях те, другие, которые сейчас хозяева жизни? Как бы они выживали, кого бы винули в своих бедах, как сохраняли бы свою бессмертную душу – помогло бы им «ИХ православие»?

Да, прощальный ужин не получился.

Я хотел удивить, она живет, ЖИВЕТ в Париже, а я покажу ей то, что она не знает. У самой Триумфальной арки. Невиданное дело – очередь в Париже. Ресторан одного антрекота. Здесь подают только одно блюдо – антрекот. Гарнир разный, вино – какое хочешь. А главное блюдо, main course – только антрекот. Открывают в 18. И очередь к открытию, чтобы попасть. Изюминка – соус, семейный секрет, которому больше двухсот лет. И никто не может разгадать секрет и повторить этот соус. Я встал в очередь заранее. Ждал ее внутри, когда она подошла.

Лиза выглядела грустной, плохо себя чувствовала, у нее кружилась голова. Говорила рассеянно. Шампанское пригубила, пить отказалась. На свечи, зажженные на столе, внимания не обратила. Праздника не получилось, разговор тоже не клеился. Она как бы присутствовала, но была уже где-то

не здесь. Трогательные поминки ушедшей любви не состоялись. Она закрыла мой вопрос. Меня для нее нет. В конце концов, сказала: «Не пиши “I ♥ Liza”, не клей стикеры на мою машину, вообще я бы хотела, чтобы тебя больше не было. Не звони, я сменила симку». «А что, если не слушаюсь?» «Вызову полицию». Сказала жестко. Взглянула на Руслана, сильно побледнела, на лице остались одни глаза.

Он понял, это далось ей нелегко – вот, вот расплатится. Выпил залпом шампанское из своего бокала, потом – из ее, задул свечи. Понимал, что переборщил, но остановиться уже не мог, его несло. «Привет Пьеру Жану. Я надеюсь, ты покажешь ему кое-что из того, чему я тебя научил». Взял недопитую бутылку, бросил на стол деньги за ужин, «bye!» – и вылетел из ресторана.

Пока прогуливался по набережной, ему позвонил тот бедолага, знакомый из отеля, у которого случился конфуз в борделе. «Руслан, у тебя не оплачен номер, они собрали твои вещи и отнесли в камеру хранения».

Руслан решил не ехать в гостиницу, позвонил девице в длинном пальто, узнал адрес, та обрадовалась: я свободна, приезжай, красавчик, жду. Но никуда не поехал, остался сидеть на Барси. Если закрыть лицо руками, оставить дырочку для сигареты, ты оказываешься в своем доме, зачем куда-то бежать?

Все уже в прошлом. Это прошлое стало настоящим. А настоящее становится нелепым, непонятным и враждебным

будущим.

Ночь, я один, под мостом, без жилья. Все мгновенно перевернулось. Где твои молодые годы, где радужные надежды? Что у тебя впереди? Надо бороться, надо включиться в настоящее. Ты – жалкий и слабый, старый и жалкий Руслан. Должен был спасти свою Людмилу. Ее выкрал не всесильный «волшебник страшный Черномор, красавиц давний похититель, полнощных обладатель гор», твой противник – ничемный, никудышный, мелкий французишко. И ты не смог спасти. Людмила сама себя спасла. А ты не спас.

Поиски наугад закончились провалом. Может, это и есть победа?

Все смешалось. Осколки, закругления... Теплая одежда удушает, острый нож у яремной вены – гладит и охлаждает. Объяснения убивают, неясность и противоречия дают импульс для движения вперед, кот оказывается лучшим собеседником, клошары – спутниками жизни.

Бедная Лиза, она сделала то, что нужно было сделать, наш роман вел в никуда. Я, такой твердый с виду, на самом деле – и вашим, и нашим. На камне напишут: «Он был слишком мягким». Такой неуступчивый, а жалею всех. Клингцман, Михайловский, па-де-де, силлогизм, оргазм, брейк, до мажор, скины, педерасты, аборт, вивисекция, Мондриан.

Париж – это фабрика иллюзий, иллюзий любви во всех ее формах, Крэйзи Хорс с цветными пятнами от прожекторов на обтянутых задницах, иллюзион любви, Голливуд жиз-

ни взახлеб, взасос, но не жизнь, шикарный витраж, вместо любви – плохо помытые жрицы, сотворяющие за деньги свои крошечные мистерии, вместо поцелуя – ядовитое жало, прославленные ароматы Шанель, скрывающие в себе гниль и смрад Чрева Парижа. «Он вливает серную кислоту меж ягодиц предместий»⁹.

Она, так любившая одежду весенних цветов, сама – совсем недавно еще – словно вишня в цвету, теперь в бордо, в тяжелых, мрачных тонах, она отдалась, сама надела на себя вериги ничтожной буржуазной благопристойности, буржуазной жизни в цветах запекшейся крови. Она не понимает, что для нее означает эта новая, такая благополучная с виду жизнь. А что остается ему? Стекло, вонь, блеск, осколки, мишура, канкан, голые ножки в сетчатых чулках, нет повести печальнее на свете, чем повесть о клозете и минуте.

С ней я жил в ощущении сказочного затмения, все вокруг рисовалось по-иному. Почему я тогда отказался от нее? Почему я решил не любить больше Лизу, не обладать и дальше ее телом? – в постели, на столе, в купе, автомобиле. Что это вообще – головокружительная гонка за миражом счастья? Есть шанс догнать его. Скачка со связанными ногами, яростный и нелепый бег в мешках, мы участвовали в этой скачке, мы считались ее рейсерами, почему мы больше не рейсеры? Ведь это шанс выскользнуть из удушающих объятий времени, вырваться из клеток, из витрин Longines и Tissot, отме-

---

⁹ Рене Кревель – французский писатель, дадаист и сюрреалист.

ряющих часы и минуты священных, непреклонных, неумолимо кастрирующих нас обязанностей, освободиться от пут и забыть, наконец, обо всех требованиях, включая требования наслаждений и любви. Путь к пустоте, свободе, к великому ничто. Таинственный танец двух вольных птах вокруг непонятных, а может, и несуществующих сокровищ, загадка двух существ, сон и мечта, счастье бесконечного заблуждения, когда руки и ноги еще не отпустили рук и ног, и бедро еще гладит бедро, а губы уже разомкнулись и обмякли.

Клошарка Elizabeth

Бродяжке снится Южный канал старинного города Сет. Ей шестнадцать. Ее мальчику тоже, наверное, шестнадцать. Или больше? – кто его знает, скорее лет двадцать, он уже студент. Они катаются на лодке, мальчик гребет, она сидит напротив.

На ней легкое прозрачное светло-синее креп-жоржетовое платье. Больше ничего. Ветер поднимает подол, закрывает лицо, открывает – смотрите, вот они – девичьи прелести, играет рыжеватыми кудряшками. Ах, как смешно, как забавно!

Жюль смущается, отворачивается, заливается краской – ха-ха-ха!

Мимо на лодках едут парни и мальчишки. Им интересно посмотреть на белые, толстенькие ножки, на пухленькую ручку, на рыжеватые кудряшки в тех местах, которые, как

выясняется, не такие уж укромные. На срывающуюся иногда лялочку платья, оголяющую при этом полную грудь и сочную, хорошо оформившуюся вишенку соска.

Им интересно... А ей смешно. Не смешно – радостно. Радость зрелого тела, радость телесной любви, которую она уже вполне познала, радость осознания своей молодости и привлекательности. Розовотелая толстушка с рыжеватой копной волос, собранных на голове.

Что за мальчик рядом с ней? Имя почему-то известно – Жюль. Но кто он, этот Жюль, откуда взялся? – не знаю. Не могу точно сказать, кто он. Высокий, стройный шатен с шикарной шевелюрой. Ее почему-то беспокоило, кто он. И было ли у них уже что-то? Если было, то почему тот отворачивается и краснеет? Или я ему не нравлюсь?

Бродяжка просыпается. Разрывает слои ветоши и ежедневника «Франс суар», которыми прикрывалась ночью. Надо подниматься. Это не так просто – все болит, ломит, застыло от неподвижной лежки и холода. Встает на четвереньки, потом на колени, потом опять упирается одной рукой в асфальт и поднимает одну ногу. Много-много этапов, понять и разобраться в них нам с вами очень трудно.

Клошарка, толстая, огромная, бесформенная. Одета слоями, как капуста – юбки, кофты, куртки, пальто. Еще одно пальто – под ней. На нем она лежала. Длинное черное пальто, пока еще довольно приличное. Волосы, вытравленные пере-

кисью и красный – когда-то красный – фригийский колпак, найденный, видимо, на помойке. Почесала задницу, потом голову.

Почему мне приснился этот молокосос? Кто он? Интересно, куда делся Максимилиан? Мой Максимилиан – у него типично французская красота: огромный нос, горящие глаза, небритый, всклокоченная, бесформенная шевелюра. Но как хорош. Высокий, статный, какая осанка! Почти что маркиз. Порода, в каждом движении видна порода. Как я его любила. Мы целовались на улице, на набережных, везде-везде, даже у Нотр-Дама.

Мне кажется, он меня не любил. Просто способ без труда получить немного маленьких радостей. Но все равно. Пол-Парижа знает, что я его подружка. А он, похоже, смылся. Забрал две бутылки вина, банки с паштетом и мятые консервы, которые я лично выклянчила и купила у араба Садулая.

Merde¹⁰, где мне теперь найти этого чертова маркиза? Держится как аристократ, а консервами и вином не побрезговал. Наверное, уже продал их. Будто я бы с ним не поделилась. Конечно, пришлось бы делиться с Тото и Марселем, это он прав. Но почему меня-то кинул? Аристократ помоечный, с'est cul¹¹! Как поется в песне: «Je n'oublierai pas le temps des cerises»¹². Найду его, конечно, а как не отдаст? Тото и Мар-

---

¹⁰ Merde – дерьмо (франц.).

¹¹ С'est cul – какая пакость (франц.).

¹² Je n'oublierai pas le temps des cerises – нет, не забыть мне это время вишен

сель не помогут. Он сильный, надает им оплеух и будет еще орать, как тогда, на весь Сержи-Понтуаз, что при впадении Уазы в Сену. Какой мужчина!

Это что еще за явление Христа народу? Новенький, одет прилично.

– Привет, новичок. Колотун. *У a la bise, c'est cul*¹³. Но хуже всего полиция.

– Холод еще хуже.

Уселась рядом на скамейку.

– Нет, полиция хуже. Холод только иногда и то зимой. А полиция каждый день. Есть закурить? Дай-ка сигаретку. О-о-о, я таких давно не курила, дорогушая. Замерз, бедолага, весь дрожишь. И руки синие. Куртка не помогает? Это еще не холод. В девять будет самый колотун – как раз в девять сильно тянет с берега. Сяду-ка я поближе. Возьми, вот второе плечо моего пальто, накинь на себя, огромное – на обоих хватит. Что-то лицо твое мне знакомо. Жюль, ты Жюль? Жаль, что не Жюль. Мне только что он снился. Один к одному ты. Такая же осанка, копна волос и глаза голубые. Ну конечно, тот еще совсем юнец. А, ты взрослый Жюль, совсем уже взрослый, солидный Жюль. Не Жюль? – странно. А как будто знаю тебя.

Бродяжка и новичок курили и разговаривали, с симпатией поглядывая друг на друга.

(франц.).

¹³ *У a la bise, c'est cul* – к тому же ветер, какая пакость (франц.).

– Дай-ка, я тебя обхвачу, ты совсем продрог. Интересно, есть ли у Марселя немного вина? Может, осталось полбутылки шипучки? С вином и ночь в радость, и бродяжка красоткой покажется, разве нет? Да я и так ничего.

Максимилиан унес вино. А еще паштет и рыбные консервы. Время супа еще не пришло. Суп в шесть. В квартале Марэ дают неплохую горячую похлебку, ну да, ты новичок, ты не знаешь. Пойдем по Невер, здесь недалеко. Надеюсь, там и Макса встретим. Сможешь дать ему по морде? Конечно, сможешь, я вижу, ты такой. Дашь ему по морде, и у нас будут консервы и вино.

Новичок ей явно нравился. Она понимала, что никакой он не новичок – слишком хорошо одет.

– Надо бы к арабу Садулаю сходить.

– Садулай, какой он араб?

– Мусульманин, значит араб, все одно, араб. Вино надо купить. Мне он не продаст, а ты выглядишь хорошо, тебя впустит и продаст. Тебя и в дорогой магазин впустят. Можешь и перно попросить или чего-нибудь похлеще. Не скажут, что от тебя плохо пахнет или что руки черные. А еще, что всех клиентов распугаешь.

Новичок курил и рассеянно соглашался со всем.

Дежавю. Он вспомнил Эммануэль, бродяжку Кортасара. Улица Невер. Где автомобиль переехал Пьера Кюри. Один к одному. Сцена из «Игры в классики». Только через пятьдесят лет. Имя тоже другое. Неужели она теперь моя подруж-

ка? Механизм запущен. Клошары теперь мое сообщество, и эта толстуха – моя женщина. Сейчас мы будем пить вино. А потом что, целоваться? Как у Кортасара. Это вряд ли. Хотя, кто может знать, что будет? Надо принимать жизнь такой, какая она есть. В этом есть своя логика.

Перед его мысленным взором разворачивался расплывчатый список всяческих поступков, которые он совершал наперекор тому, что надо делать по правилам, что следовало испытать и оставить за плечами как маленькие плюсики благонамеренного и благонравного гражданина, осознающего себя неотъемлемой частью социума. Много всякого такого случилось за его жизнь.

Вспомнил, как недавно в киоске украл диск «Алиса в стране чудес», хотя мог и заплатить. Не понравился парень, который торговал – шустрый, наглый, смотрел на всех с презрением и не скрывал этого. У такого можно взять и так – перетопчется. Мальчишество, конечно.

Вот и с Лизой так же. Задвинул ее жизнь неизвестно куда, свою семью – тоже задвинул, всех, кто его любит, кого сам любил...

* * *

Интересно, как поживает дядя Рустам из Симферополя? Остановливался у него по дороге в Алупку, это произошло

лет пятнадцать назад. Ночь перед отъездом стояла жаркая, душная, ни ветерка, все плавилось, лишь равнодушная луна безразлично взирала сверху на мучения этих ничтожных людишек.

Руслан долго не мог уснуть. Раздетый, весь в липком поту, вышел на открытую галерею в поисках свежего воздуха. У ограждения галереи стояла жена дяди Рустама, его тетя, значит – в легком халатике, смуглая, худощавая женщина лет пятидесяти. Тоже, видимо, мучилась, от жары.

Она повернулась к Руслану. «Подойди ближе». «Еще ближе». Распахнула халат: открылись острые груди с коричневыми сосками и темный низ живота. Обвила его шею руками, села на деревянные перила, сказала властно: «Возьми меня».

Отказать было невозможно, он обнял женщину за гибкую талию под халатом и вошел в нее. Та приглушенно застонала – еще, еще, сильнее. Перебрались в комнату Руслана – еще, еще, сильнее, сильнее. Сколько это продолжалось, неизвестно. Похоже на то, что жаркая ночь никогда не кончится. Еще, еще... Пот стекал по ним ручьями, мокрая постель, волосы, она истерзала ногтями его плечи, искусала губы. Когда прекратится это сладкое мучение?

Руслану казалось, что он – уже не он, всего лишь остатки телесной оболочки, послушно выполняющей все, что хочет эта женщина, а его самого уже почти нет, улетел куда-то, почти умер. Конец всему, больше не будет – ни нежности, ни

счастья, ни любви, ни его любимых книг; ночь и темнота вытеснили все из его жизни, осталась только одна эта демоническая женщина.

Почему не боялась, что зайдет муж? – наверное, знала, знала наверняка, что тот ни за что не зайдет.

Еще, еще. Сколько это продолжалось? Она издала долгий, мучительный стон и рухнула на постель. Потом встала и, двигаясь как сомнамбула, почти не открывая глаз, подхватила брошенный в углу халатик, накинула на плечи и уплыла в синюю ночь, распахнув полы как летучая мышь. Не поворачивая головы, бросила скрипучее: «Подбери трусы на полу галереи, племянничек». Ни поцелуя, ни человеческих слов на прощанье.

Руслан чувствовал себя растоптанным. В том, что произошло, не было ни любви, ни даже влечения. Она взяла его как секс-машину, с таким же успехом можно было бы взять осла или красавца дога.

Наутро жена дяди приготовила завтрак, они втроем позавтракали, говорили мало, потом Руслан уехал на троллейбусе к морю. Больше не виделись. Ни с Рустамом, ни с его женой.

Тогда он думал, что вышел за рамки, нарушил все мыслимые нормы приличия. Теперь он видел это совсем по-другому. В ту ночь приходила не просто женщина. Его посетила смерть. Бездушная, жестокая смерть, привычно выполняющая свою работу. Она пришла не забрать его – только предупредить. Чтобы он понял, какова эта смерть на самом деле,

и какой дорогой он, Руслан, придет к своему концу.

* * *

И вот, пожалуйста – его новая приятельница с самого дна. Так низко ты еще никогда не падал. Надо проверить, дно ли это. Если дно, то теперь единственный путь – это вверх. Значит, все не так плохо. Значит, теперь это его социальное окружение, круг его желаний, круг удовольствий, если можно так выразиться, и круг его людей. Как-то трудно с этим согласиться. Но, наверное, это именно она. За мной, наконец, пришла моя смерть. В виде этой веселой бродяжки. Она просто выполняет свой долг, свое предназначение. И мне... Зачем противиться, если это судьба? Надо попробовать обмануть свои чувства, сделать эдакую мысленную загогулину, придется выпить вина. Дежавю. Садулай, она говорила?

Прочел вслух стишки о Кубла Хане. Положено по Карта-сару читать именно эти стихи.

– In Xanadu did Kubla Khan A stately pleasure-dome decree¹⁴.

– Говоришь с акцентом, по-английски чешешь... Иностранец? – спросила бродяжка. Симпатии в ее голосе было теперь значительно меньше. – Поляк? Полячки – суки, а по-

---

¹⁴ In Xanadu did Kubla Khan a stately pleasure-dome decree – построил в Занаду Кубла Хан чертог, дом удовольствий (англ.). Сэмюэл Тэйлор Кольридж – английский поэт-романтик.

ляки – все как один, жулики и пройдохи.

– Помесь. Скорее, русский.

– Русских люблю. Но ты не похож. Слишком хорошенький, смазливенький, что ли. Ладно, для меня и такой русский сойдет.

Клошарка снова прижалась к нему. Он возвел глаза к небу: «Господи, если ты есть, помоги мне вынести этот запах».

– Ты работаешь, сразу видно, – с презрением сказала клошарка.

– Да нет. Одно время я вел счета у одной женщины-офтальмолога. Но уже несколько месяцев как она меня выставила.

– Работать – это не позор, если работа по душе. Я, когда была молодой...

Он вспомнил и эту клошарку, и Максимилиана. Прошлый раз, когда он встречался с Лизой... Долго гуляли по парку. Эти двое ходили в обнимку. Бродяжка была, как и сейчас, одета, словно капуста, в сто одежек и с боевой раскраской. А ее спутник – Максимилиан, наверное – им понравился: высокий, стройный, интересный, в свободной блузе, какую носят художники. Катил перед собой коляску с пожитками. Бродяжка обнимала его на всех скамейках, у всех парапетов. Они без конца целовались, и она заляпала ему лицо помадой и еще чем-то жирным. То целовались, то в эйфории от вы-

питого спиртного с криками отталкивали друг друга. Настоящие сумасшедшие. И все обращали на них внимание.

Лиза сказала тогда, что бродяжка, похоже, влюблена в своего дружка, а тот, видимо, не очень. Мне кажется, она похожа на твою Елену, ты не находишь? «Есть у тебя пять евриков?» – спросила Лиза. Подбежала к цветочнице, купила три розы. Рванулась к паре бродяжек и вручила толстухе цветы. Они что-то говорили друг другу, Лиза смеялась, она любила делать подарки незнакомым людям. Клошарка обняла Лизу, и та утонула в неопределенных облаках ее одежды. Из облаков выглядывало только бледное Лизино лицо с большими сияющими глазами.

Руслан положил руку на то место в фигуре бродяжки, где должно быть ее плечо.

– Элизабет, – сказал он.

Клошарка вздрогнула. Надо привести себя в порядок. Достала зеркало и осмотрела рот. Вынула огрызок помады. «Какой ужас эти волосы, вытравленные перекисью», – подумал Руслан. Элизабет оказалась вся во власти этой важнейшей процедуры. Долго и размашисто красила пухлые губы, размалевала розовым чуть не на пол-лица. В разговоре повисла пауза.

«Круглый дурак, – подумал Руслан о себе. – Проводить время с этой, с позволения сказать, женщиной, класть ей руку на плечо – все равно, что самому себе дать по морде...

Или измазать лицо в дерьме. Кретин, позер, упиваешься своим падением, вонючий, грязный самец, надпись на кладбище «Requiescat in pace» («Упокойся с миром») и больше ничего, ровным счетом – ничего. И при этом претензии на особую глубину восприятия, на особый, свой путь в жизни. Какая пошлость. Изображать из себя черт знает что – то разбойника, посягнувшего на вечные истины, то – воронку, засасывающую в себя и перемалывающую понятия, чувства, эмоции, то – нефелибата, шествующего по облакам, сторожевого пса самого Господа Бога. Ты согласен быть скотиной, но только скотиной космического масштаба».

– Откуда ты знаешь мое имя?

– Не помню, кто-то сказал.

Открыла жестяную коробку от карамелек с изображением Нотр-Дам де Пари. Зачерпнула черным пальцем розовую пудру и стала размазывать ее по грязной, в темных полосах щеке. Хлопала руками по свалявшимся волосам. Фригийский колпак со свисающим вперёд верхом победно топорщился, колпак никогда не забывал, что он символ свободы и революции. Макс, конечно, вспомнил бы новичка, он такой. У него глаз – стальной капкан. Это он сказал обо мне. Но паштет. И куча коробок с консервами, le salaud¹⁵.

Она вдруг догадалась – девчонка, которая подарила цветы. Это та девушка. Возможно, согласился Руслан и погрузился в облако табачного дыма.

---

¹⁵ Le salaud – мерзавец, негодяй (франц.).

– Да, вы были вместе.

– Мы бродили здесь.

– Очень славная девушка, немного сумасшедшая. Я встретила ее и до тебя. Она отдала мне длинную теплую кофту. Чокнутая, голубей кормила. То очень веселая и без конца улыбалась, то печальная до ужаса. Вроде и не плачет, а в глазах слезы стоят. Очень красивые глаза, за такие глаза можно полюбить.

«Пора уходить, – подумал Руслан. – Город рядом, сразу за парашютом подняться метров на шесть». Поднялся и пошел. Элизабет окликнула его. Вместе пошли к Садулаю, взяли два литра дешевого красного вина.

Расположились под сводами галереи в темном углу. Руслан зажигалкой проверил все ли чисто. Элизабет из недр своих юбок достала несколько газет и устроила целое гнездо. Пока Руслан располагался рядом с ней, она уже во всю заливала вино из горлышка прямо себе в глотку. И время от времени довольно отдувалась.

Они здесь оказались не одни – с другого конца галереи из темноты доносились сопения и храпы, сдобренные густыми запахами капусты, чеснока, вина и пьяного забытья.

Рядом с ним, Русланом, запахи были не лучше – что может сравниться с худшим из запахов – смрадом человеческого тела? Вдыхай, неженка, вдыхай его носом и ртом, учись, трудно вначале, через две – три минуты будет легче. Так всегда бывает, когда учишься.

Подступала тошнота, надо продержаться, новичок взял бутылку. Ему не нужен свет, он и так знает, что горлышко в помаде, в слюне и соплях, он чувствует это по запаху, новизна впечатлений и темнота обострили до предела его органы чувств. Прыжок в черную пропасть, он закрыл глаза, пытался защитить себя опущенными веками и залпом выпил четверть бутылки.

Они прижались плечом к плечу и блаженно курили. Тошнота отступала посрамленная, тошнота была унижена, она смиренно опустила голову и не мешала больше думать. Надо ведь обо всем подумать, все обмозговать, взвесить и понять, тыходишь в новое сообщество, новую жизнь.

Элизабет без умолку о чем-то говорила, произносила прочувствованные торжественные речи, со вкусом икала, рыгала, сурово выговаривала невидимому Максу, пересчитывала консервные банки, мысленно сортировала их по сортам рыбы и паштета и гадала, сколько все-таки было бутылок с вином. Каждый раз, когда Руслан затягивался, ее лицо освещалось, и он видел толстый слой грязи на лбу, пухлые губы с каплями вина и победный фригийский колпак.

Бродяжка росла в темноте вверх и вширь, каменела, превращалась в статую огромной, величественной беломраморной богини, ее опрокидывали оголтелые толпы смердов, мазали рот, щеки и шею лошадиным навозом, мочились на ее божественные глаза и терзали нежнейшие груди. А она, великая богиня, принимала поругание как великий дар судь-

бы, как шанс показать всему роду человеческому свое истинное величие. Величие души, помыслов и поступков, которые невозможно оскорбить, унижить, втоптать в грязь. Чтобы сказать свое последнее слово перед тем, как скатиться в небытие и забвение. И так же задорно топорщился на ее голове фригийский колпак – символ победы и настоящей свободы, которая не снаружи, не в законах и судах, а внутри, в сердце великого французского народа.

Нет, не опьянение движет его мыслями, вот оно желаемое сообщество, общество единых помыслов, общество французских сердец, которое он нашел здесь, на самом дне, рядом со знаменитым Чревом Парижа.

Как же естественно рука Элизабет касалась плеча Руслана и доверчиво гладила его, а другая рука находила в темноте бутылку, раздавалось бульканье, а потом довольное сопенье и шмыганье носом, так естественно, будто и не было никакой другой жизни ни до, ни после, ни вне этой галереи, единственная и неповторимая, уникальная форма жизни, данная этим двум счастливым посетителям сей благодатной темноты в их ощущениях, форма жизни, которая отражается этими ощущениями, объективно существуя сама по себе и независимо от них.

Нет, истина не в вине, не в зажж...енном, то есть заезженном, конечно, словоотчетании... что это я? словно... сочетании *in vino veritas*¹⁶. Может быть, именно *in merde veritas*, ис-

---

¹⁶ *In vino veritas* – истина в вине (лат.).

тина в дерррьме? Гераклит, как и мы, сидел в дерьме и ждал, только без вина, зато у него была водянка. Может, так и надо – сидеть в дерррьме и ждать. Он и сказал: если не жжждать, никогда не встретишься с неожжжиданным. Да-да, он так и сказал – сверните шею своей лебединой песне. Можно и лебедю, ведь лебедь – символ мужской стрррастной любви. Нет, я не знаток хвилософфии, Гераклит, будь он неладен, не говорил тттакоего. Никто вокруг него не знает этого слова «Гераклит». Как он одинок, не с кем поговорить о Гераклите. Даже Наташа, умная, образованная... Да, только Наташа его охраняет, она – чудная, ласковая, она его ангел-хранитель. Она и сейчас с ним. И ей глубоко наплевать на Гераклита, купающегося в дерьме. Но все равно хорошо, что рядом есть вот эта бутылочка. Вот и приложимся.

И пока он делал последний глоток, Элизабет слушала бульканье, смеялась в потемках и гладила, гладила его руку, чтобы он знал, как ей дорого его общество и то, что он обещал – он ведь обещал! – отнять у Макса консервы. Вино ударило Руслану в голову, он подумал, что этот лебедь, которого они с Гераклитом договорились удушить, о нем еще Александр Сергеевич Ленин писал типа «и с ними дядька Черномор», ну тот карлик, который, что этот лебедь, он двойной тезка с ним, с Русланом. Руслан Русланыч его зовут, как же это безумно смешно, ты понимаешь, Элизабетка? Ты ничего не понимаешь, глупая грязная старуха, на, возьми бутылку – как в домино – пусто-пусто.

Клошарка взяла пустую бутылку и, раздирая душу, стала горланить какую-то французскую песню, в которой говорилось о каком-то Навге, Гавр, что ли? И какие-то там любители, чего интересно? Элизабет пела с надрывом, страшно фальшивила и все время сбивалась и не могла вспомнить слова, потому что гладила, гладила Руслана.

А он, не переставая, думал об одном: он ждет, значит, может еще встретиться с неожиданным. Представлял себя далеко-далеко, не вздумай открывать глаза, уже крадется по галерее свет, свет может помешать увидеть чистый пейзаж, чудесный пейзаж, где будет его прибежище. Такого пейзажа в его круге желаний пока не существовало. Надо обязательно туда попасть. Секс-символ лебедь Руслан – конечно, ему надо обязательно свернуть шею, хотя, скорее всего этот чертов Гераклит таких инструкций ему не давал, но он обещал что-то, если будешь ждать. Интересно, что? Я ведь знал. Точно знал. Но забыл, наверное.

Руслан раскис... От вина, от этого громкого голоса, от этой липкой песни о «любителях из Гавра». Ему хотелось плакать, жалеть себя, бедный Руслан, ты застрял в Париже. Ради кого? Ради Элизабет? Или ради Лизы? Это не одно и то же, разве? Лиза – Лизабет, очень похоже. Обе блондинки. У одной полное имя и сама полная. У другой – сокращенное, и сама сокращенная в каком-то смысле. Я ее сократил. Нет в моей жизни теперь такой должности Лизанька. Опять захотелось плакать. Бедная Лиза, бедный Руслан.

А там, в Питере, живут те, кто меня любит – дочь, Наташа, даже теща, будь она неладна. Тоже важная часть питерского пейзажа, без нее пейзаж оказался бы неполным.

Он яростно закурил сигарету, пытаясь представить свое идеальное уютное прибежище.

– Послушай, Элизабет, это ведь не мираж, оно существует на самом деле. Оно где-то здесь, в предместьях Парижа.

– *Ta gueule, mon pote*¹⁷, – отшила его бродяжка, ей было не до него, она искала в своих необъятных юбках новую бутылку.

Потом они долго говорили. Элизабет рассказала, как она побывала на похоронах Далиды¹⁸ на кладбище Монмартр. Эта женщина имела все – славу, деньги, молодого любовника. Осталась только записка: «Жизнь стала невыносимой. Простите». И все, конец всему. Это произошло лет десять назад. Руслан поинтересовался, какого цвета у нее волосы. Не помню, кажется, она лежала в косынке на голове, я стояла далеко, не видно было. Очень много народа, огромная очередь и полиция. Мне хотелось побыть с ней подольше, но я решила поскорей смыться, боялась, что эта чертова полиция по своей привычке начнет допрашивать всех подряд.

Вторая бутылка кончалась, к тому времени бродяжка и

---

¹⁷ *Ta gueule, mon pote* – заткнись, приятель (франц.).

¹⁸ Далида – французская певица и актриса итальянского происхождения, в 1987 году покончила жизнь самоубийством, приняв большую дозу снотворного.

Руслан пребывали уже в отличном расположении духа. Элизабет спела:

Encore des mots toujours des mots les mêmes mots je n'sais plus comment te dire, rien que des mots¹⁹.

Руслан продекламировал с выражением: «Paroles, paroles, paroles, слова, слова, слова, слова, слова, слова, опять ты рассеиваешь слова по ветру... Que tu es belle! Как ты прекрасна!» Элизабет захлопала в ладоши и напела: «Nostalgie, quand la musique a le coeur gris²⁰».

По площади уже сновали грузовики, слышались взвизгивания и шумы, волторны уличного движения, басовые тубы что-то обсуждали с арфами, музыкальные партии не завершались, переливались одна в другую, Вагнеровская музыка квартала Марэ набирала обороты.

Нет, ни к чему рассказывать Элизабет о Вагнере, о том, как он ослабил связь центральной темы с периферией, не разрешал напрямую диссонанс в консонанс, придал нибелунгам особое напряжение, модуляция... «Дождь идёт над моими мечтами и над нашей фотографией», – мурлы чет бродяжка. Она, конечно, женщина чувствительная и не довольствуется одной поэзией... Она трется о Руслана – то ли, чтобы его согреть, то ли согреться самой, гладит его руку, тихо напевает похабные куплеты, время от времени вспоми-

---

¹⁹ Опять слова, всегда слова, снова слова, не знаю, как рассказать тебе, одни слова. Песня Далиды.

²⁰ Ностальгия, когда музыка становится пасмурной. Песня Далиды.

ная несносного носатого Максимилиана.

Сигарета срослась с нижней губой, он слушал Элизабет, позволяя ей прижиматься, он ведь ничем не лучше ее. В крайнем случае, можно вылечиться, как вылечился Гераклит, зарывшись в дерьмо. Как это забавно, что ее рука растягивает его пуговицы, молнию, непринужденно, так, как это бывает между друзьями. Быть может, Гераклит забрался в дерьмо вовсе не для лечения, не было у него никакой водянки, он искал основы мироздания и нашел свое *in merde veritas*, блестящую сентенцию, апофегму, изречение, максимум – кто бы по собственной воле согласился с этим? А так – вроде веселый анекдот, с помощью которого удалось протащить эту истину рядом с прославленным *panta rhei*²¹. Ха-ха, специально залез в дерьмо, ха-ха, сказал – якобы, чтобы лечиться.

Да, Гиппократ заклеил бы эту идею из соображений три-твиальной гигиены, так же, как он, наверное, осудил бы толст-т-туху Элизабет, которая все больше наваливалась на захмелевшего новичка и при этом ворковала что-то весьма неопределенное, возможно, бурый кот, хозяин Берси, очень хорошо понял бы ее. Плевать ей на этого *héraclite*, плевать и растереть, основы мироздания – *c'est cul!* Да, кот бы ее понял. Сострадание! Бедный новичок, такой хорошенький. Как бы ей хотелось, чтобы он запомнил эту первую бродяжную ночь, первую ночь клошара, может быть, даже немного влю-

---

²¹ Все течет (греч.).

бился в нее, Элизабет, хоть немного, вот тогда она поквиталась бы с носатым Максом, влюбился и забыл обо всех этих непонятностях, о которых он говорил со своим варварским польским, ну хорошо – русским акцентом. Да, да, ему хорошо, она это видит, ему спокойно и хорошо. Он был такой беспокойный, а теперь ему хорошо.

Полиция

Руслан пристроился у стены, все в порядке, здесь удобно и тепло, он вздохнул и позволил ей делать с ним все, что вздумается. Запустил пальцы в пережженные перекисью волосы. Это ад, здесь можно вытворять, что хочешь, и думать, что хочешь, можно, например, представить себе, что это голова Лизы, что Лиза прижалась к нему, изучает его, ласкает, снова отстраненно изучает, опять ласкает, как тогда, когда они были вместе первый раз, ждет, когда придет ее черед, и она вытянется рядом с ним, чтобы принять от него заряд любви, нежности и жалости, и рот у нее в розовой помаде, как у Элизабет...

Полицейский потянул клошарку за выжженные волосы, та дернулась, вскочила и заорала благим матом: «Ничего не было, мы ничего не делали!».

Руслан открыл глаза и увидел перед своим лицом ноги полицейского, себя – в карикатурной позе, нелепо расстегнутого, с пустой бутылкой в руке. Удар ногой по бутылке, по

заднице, – бутылка катится, крутится, позванивает на неровностях бетонного пола – получи и ты – затрещина по лицу Элизабет.

Бродяжка визжит, захлебывается, пытается, встав на колени, – неудобная поза, а как иначе? – привести в порядок одежду своего нового друга, – как все-таки кратковременно счастье клошарки, а ведь все начиналось так хорошо – застегнуть пуговицы, молнию, да ведь ничего и не было, как это объяснить полицейскому, который гонит их на площадь к зарешеченной *une voiture de police* (полицейской машине)? Как объяснить теще, что можно стать по-настоящему свободным, когда «крыша поехала»? Как можно объяснить – кому он должен объяснять, чьим мнением он еще дорожит? – что другого выхода нет, что так должно было случиться, что нужно позволить себе упасть, чтобы набраться духу и когда-нибудь вновь подняться? Отпустите ее, она ведь просто бродяжка, она еще пьянее меня.

Руслан с трудом уклонился от удара ногой по лицу. Его схватили за пояс и забросили в черную машину, «воронка» по-русски. Элизабет находилась уже там, она горланила: «Когда в садах настало время вишен». Руслан растирал ягодицу, больно бьете лягушатники, и запел по-русски: «А-а-атцвели-и-и уж давно-о-о жрызантимы в саду-у-у». Развалился на сиденье и попытался достать из кармана брюк сигарету. Да, блин, даже у Гераклита не бывало такого ивента, вот так вот, старушка Бет. Автомобиль рванул, как будто

он на старте формулы один. «Et tours nos amours, время вишен», – по очереди орали бродяжка и новичок. «Обделаешься от тебя с хохоту», – сказала Элизабет и в голос заревела.

Полицейские тоже хохотали, глядя на них через решетку. Ты искал покоя, приятель, теперь у тебя будет навалом этого дерьма. Ешь, пусть хоть из ушей полезет. А того, что ты хотел, этого паскудства ты не получишь. Ты в парижской полиции, никакого блядства в обезьяннике мы не допустим.

Неплохо бы попросить телефон. Я свой потерял где-то на галерее. А кому звонить? Не Лизе же. Тем более – она сменила симку. Наташе – хорош бы я был. Знаешь, я в парижской полиции по обвинению в злоупотреблении алкоголем, нарушении общественного порядка, попытке публичного совокупления в общественных местах, не могла бы ты, Наташенька, подъехать в Париж, внести залог, дать поручительство, объяснить, какой я благонадежненький – раз, необыкновенно талантливенький – два, общественно-значимый, блин-три.

Suum cuique – всякому своё, каждому по его заслугам. У тебя гераклитова водянка. Это твой Бухенвальд. Водянку лечат дерьмом, терпением и одиночеством. Я знаю, ты попытаешься, ты будешь что-то делать. Но ты уже понимаешь – Лизы в твоей жизни больше нет. Семьи нет. Профессии, ты ведь танцовщик, давно уже нет. Бизнеса нет. Близких нет, жилья нет. Что-то еще есть. Мысли, намерения, желания, твой мозг, слишком развитый для балеруна, у него еще есть

какие-то мысли, представления о жизни. Что-то еще есть. Но скоро и этого не будет. Это лишь дело времени. Второй космической скоростью ты летишь прямо в миры Элизабет и Максимилиана.

Грузовик затормозил, и Элизабет опять прокричала что-то невнятное. Полицейский открыл окошко и сказал, что, если они оба не заткнутся, придется разукрасить юшкой их пьяные рожи. Элизабет упала на пол и громко завывала. Руслан же устроился поудобнее и предавался в этот момент размышлениям о высоком. Бродяжка отбивала ногами по полу: «Нет, не забыть мне это время вишен».

В машине оказались два педераста, – двери открывали, закрывали, кто-то визжал – они плакали от смеха, глядя на лежащую на полу Элизабет. Руслан хотел закурить, но ни сигарет, ни зажигалки не нашел, хотя точно помнил, что полицейские не шарили по карманам.

– Если уж вы здесь, то дайте хоть закурить, – сказал он педерастам.

– Какой хорошенький, – заметил один из них, – но уж больно свиреп.

Все хорошо. Все сущее разумно, как говорил незабвенный Игорь Семенович Кон. И в самый нужный момент. Как раз вовремя. И эта старая плакса, которая, сидя на полу, декламировала: «пароле, пароле». И Гераклит в дерьме. И эти крутые ребята полицейские. И два педераста, строящие ему глазки. Они смотрят в калейдоскоп и ничего не видят. Про-

сто, они смотрят не с той стороны.

Калейдоскоп моей жизни. Надо повернуть его. С помощью Лизы, Парижа, той девицы, что оставила ему визитку, с помощью Сен-Дени и Крэйзи Хорс, надо упасть как можно ниже, как Элизабет или как Максимилиан, залезть по самой макушке в кучу навоза и посмотреть оттуда на мир через дырку в заднице. И когда ты пройдешь через эту дыру-глаз, тогда все клетки распахнутся, все клеточки – от Земли до Неба – раскроются, лабиринт Минотавра распадется, умрет упорядоченное время тех, кто регулярно ходит на службу от сих до сих, и тогда можно выйти на дорогу, нитью Ариадны будут тебе визги и сопли Элизабет, ее смрадное дыхание, запах гераклитова дерьма, просто иди пешком по земле обычных людей, иди к тому сообществу, которое пока еще очень и очень далеко и, может быть, наступит день, когда ты или кто-нибудь другой увидит истинный облик мира и найдет свой дом, где ты или тот другой будет, наконец, счастлив.

Метро до Шарля де Голля

Когда же, тщательно все сны переварив
И весело себя по животу похлопав,
Встаю из-за стола, я чувствую позыв...

Спокойный, как творец и кедров, и иссопов,

Пускаю ввысь струю, искусно окропив
Янтарной жидкостью семью гелиотропов.

Артур Рембо

Она стояла на платформе. Рядом горой лежало несколько ее пальто. Все равно она оставалась огромной и бесформенной. Тот же фригийский колпак на выжженных перекисью волосах. Кофта в цветах французского флага съехала на сторону, обнажая огромную, свисающую до пояса грудь. Вид у нее был ужасно боевой. Ноги в раскисших, расплывающихся ботинках расставлены. Вниз съехали и теперь лежали на ботинках необъятные байковые розово-лиловые штаны, трусы? – не знаю уж как назвать эту важную часть одежды, выполняющую обычно функции нижнего белья. Она собрала в кучу и подняла до пояса необъятные юбки, – сколько их там всего? – оголив белые целлюлитные ноги, ноги эти когда-то выглядели не только стройными, но, возможно, и весьма аппетитными.

Неумолимое время и судьба все меняют, калечат, комкают, превращают в разлагающееся мясо, в пыль, вонь, дерьмо и отходы. Обратного хода нет, нет даже представления о том, кто мог бы повернуть вспять твоё личное время. Интересно, откуда тогда берутся новые, прелестные, упругие, бесконечно привлекательные юные создания, которые сводят нас с ума не только одним фактом своего появления, но и многими другими способами, которые они осваивают как «само

собой» – сама природа, точнее – ее величество ген, являются их учителями.

Да, вот... Я немного отвлекся. Итак, она являла свету, демонстрировала свои дебелие, целлюлитные ноги, не просто свету, а нам, пассажирам поезда парижского метро, притормозившего на остановке и открывшего двери. Через огромные окна мы наблюдали это величественное белоколонное зрелище: непоколебимые ноги, красно-розовый размалеванный рот с прилипшим окурком, со скабресно ерзающим языком и рыжеватые кудряшки у основания ног, как раз в том месте, где располагается капитель коринфского ордера, кудряшки, которыми весело играл легкий ветерок, не стесненный нормами и представлениями человеческого общества о рамках приличия.

Элизабет была в дрезину пьяна. Больше всего Руслан боялся, что она увидит его у окна и кинется к стеклу. Но Элизабет мало что интересовало в это время. У нее есть заботы поважнее.

Она немного наклонилась вперед и испустила желтую струю, внимательно следя, чтобы мутный поток пролетел над и мимо ее драгоценного «нижнего белья», потом наклонилась еще дальше вперед и вниз и исторгла из себя фонтан полужидких испражнений. И, надо сказать, проделала это так же умело и искусно. Не разгибаясь, внимательно осмотрела свою розово-лиловую драгоценность, провела ладонью по заднице, распрямилась, показала зачем-то нам, зрителям,

свою ладонь и, очень довольная стала деловито собирать на себе многочисленные слои одежды, чтобы принять, наконец, «светский» вид, подобающий настоящей парижанке, которой она себя, судя по всему, несомненно, ощущала.

«Душераздирающая картина, настоящая мимодрама, – подумал восхищенный Руслан, – спектакль, достойный пера великого Рембо».

Пассажиры вагона не могли оторваться от этой удивительной пантомимы. Двигатели молчали. На какое-то время в вагоне наступила тишина.

Рядом с Русланом стояли двое прилично одетых мужчин и очень полная девушка. Мужчины смотрели с удивлением представление на платформе. Девушка тоже вначале онемела, а когда поняла, что происходит... Одним словом, это зрелище ввергло ее в исступленный восторг. Она таращила глаза, кричала: «Смотрите, смотрите!», топала ногами, показывала пальцем, прикрывала рот рукой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.